
ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ленинград. Зимний день. Фото Л. Зиверта.

На первой странице обложки: У финиша.
Фотоэтюд В. Джейранова.

На последней странице обложки: Ростов-на-Дону. Вблизи водной станции спортивного общества «Водник» даже в сильные морозы не замерзает полынья на Дону. Здесь, у кромки льда, лыжники нередко встречаются с тренирующимися зимой гребцами.

Фото Г. Зозули.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 11 (1552)

10 марта 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЯТЫЙ ОРДЕН

На сороковом году революции не так-то редко встретишь мать и сына, отца и дочь, для которых с комсомолом связаны во многом сходные задушевные переживания. Только родители вспоминают о них, как о прошлом, а для юного поколения — это сегодняшний день.

Молодость, лучшие годы нашей жизни, самые светлые порывы, самые сокровенные мечты неотделимы от боевого единодушного коллектива, в котором и работается дружней, и живется веселей, и мечтается смелей,— от Ленинского комсомола.

Ныне славное комсомольское знамя украшено пятым орденом...

Без малого тридцать лет назад делегаты VIII съезда комсомола принимали первую награду — орден Красного Знамени. Им был увенчан героический путь, совершенный первым послеоктябрьским поколением молодежи в годы гражданской войны.

На следующем, IX съезде правительство вручило комсомолу орден Трудового Красного Знамени. Это было признанием трудовых подвигов, инициативы в социалистическом соревновании — могучем всенародном движении.

За выдающиеся заслуги советской молодежи перед Родиной в годы Великой Отечественной войны, за большую работу по воспитанию советской молодежи в духе беззаветной преданности социалистическому отечеству в 1945 году комсомол был награжден орденом Ленина. А спустя четыре года XI съезд ВЛКСМ в связи с 30-летием комсомола вновь принимал орден Ленина.

В последние годы советские юноши и девушки совершили крупнейший трудовой подвиг: успешно освоили целинные и залежные земли. Герои целины присутствовали при вручении пятого ордена — ордена Ленина — Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодежи. Они, как и все комсомольцы, не забудут слов вручавшего орден товарища К. Е. Ворошилова:

«Пусть знамя с изображением Ленина, которое вы носите не только на древке, но и в ваших сердцах, ведет вас вместе со всем народом к новым победам коммунизма!»

К. Е. Ворошилов вручает делегации ВЛКСМ орден Ленина.

Фото А. Гостева.

Москва. На участке № 84 Киевского района. Голосует пенсионер Алексей Георгиевич Александров.
Фото М. Савина.

ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ

3 марта в восьми союзных республиках состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

Повсюду избиратели проявили высокую активность и организованность. Выборы прошли в обстановке всеобщего политического подъема, единства и сплоченности вокруг Коммунистической партии и Советского правительства.

Выборы в местные Советы послужат мощным средством улучшения и совершенствования их работы. К управлению местными органами власти придут новые сотни тысяч людей, достойные представители народного блока коммунистов и беспартийных.

Киев. Участок № 17 Сталинского района. У избирательной урны семья Пономарчук: Дмитрий Иванович, его жена — мать-героиня Любовь Дмитриевна, сын Иван, голосующий впервые, и дочь Любовь.
Фото Я. Табаровского.

Ветераны завода «Красный пролетарий». Слева направо: А. Д. Дроздов, К. Д. Сарафанов, В. А. Волков, Н. А. Каменский.
Фото С. Фридлянда.

«КРАСНОМУ ПРОЛЕТАРИЮ» 100 ЛЕТ

Н. МАР

В марте 1857 года на московской окраине, получившей у горожан наименование Щипки, появились небольшая механическая мастерская и кузница, принадлежавшие обрусевшим иностранным ремесленникам, трем братьям: Эдуарду, Эмилю и Федору Бромлей. Спустя три года, в 1860 году, здесь была установлена первая паровая машина в четыре лошадиные силы. Мастерская постепенно превращалась в механический завод, которому суждено было стать первенцем русского станкостроения.

Завод братьев Бромлей специализировался на производстве станков и машин. Можно сказать, со всей страны сюда стекались замечательные мастера, русские умельцы, творчество которых приносило баснословные барыши братьям Бромлей и заметно влияло на уровень отечественной техники. Уже в 1870 году созданные руками бромлеевских рабочих продольно-строгальный и радиально-сверлильный станки были награждены золотой медалью Всероссийской промышленной выставки.

Спустя двенадцать лет, в 1882 году, завод удостоился высшей награды Всероссийской выставки за паровую установку. А в 1900 году на международной выставке «XX век» в Париже замечательный заводской конструктор Василий Федорович Игнатьев представил сконструированную им паровую машину и был удостоен за это первой премии. В ту же пору заводской слесарь, ныне здравствующий, ушедший недавно на пенсию Константин Дмитриевич Сарафанов, выпилил от руки многочисленные детали сконструированной им крошечной модели паровой машины, действующей на пару от самовара.

Однако не только умельцами славился бромлеевский завод. Он стал одним из очагов революционного движения в Москве. Еще в июле 1896 года в цехах завода появились первые революционные листовки. Забастовки, боевые выступления бромлеевцев в конце прошлого века привлекли внимание царских властей. Московские станкостроители создали одну из первых в Москве заводскую большевистскую организацию, сражались на баррикадах 1905 года, участвовали в революционных боях 1917 года. У Кремлевской стены похоронен павший тогда в бою на Каменном мосту один из славных рабочих вожаков, Василий Морозов...

С тех пор минуло почти сорок лет. Теперь никто не узнает в этом богатыре-заводе курную фабричонку братьев Бромлей. Завод вырос, расправил плечи, поднял ввысь могучие корпуса, заняв достойное место в мировом станкостроении.

В прошлом году «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова посетил представитель американской фирмы «Форд-мотор», инженер мистер Невин Бин. Он неторопливо осмотрел цехи, беседовал с конструкторами, мастерами, рабочими. Спустя некоторое время после визита в СССР на страницах американского журнала «Машинери» появилась его статья о посещении Советского Союза и советских заводов. В этой статье Бин так сказал о «Красном пролетарии»: «Этот завод выпускает токарные и другие металлорежущие станки. Завод хорошо оснащен и распланирован, если не считать некоторой тесноты и недостаточного освещения. В наибольшем количестве завод выпускает токарно-винторезные станки... Замечательной особенностью сборки токарных станков является применение расположенного на уровне пола шагающего конвейера, перемещающего станок на одну позицию. Нам сообщили, что производительность линии — более 50 станков в день».

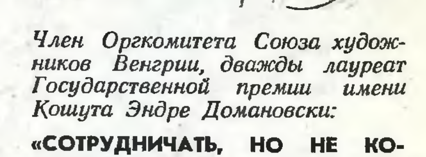
Невин Бин видел завод до последней реконструкции, начатой в середине прошлого года и охватившей большинство крупнейших цехов. Эта реконструкция, вызванная к жизни новым универсальным токарно-винторезным станком «1К62», сконструированным здесь же, на «Красном пролетарии», знаменательна: она проводится впервые в мировой промышленной практике без остановки производства и без какого-либо увеличения производственной площади. Творчески, по-новому решив сложные технические вопросы, краснопролетарцы успешно реконструировали завод, поставив на поток новый станок, который, едва родившись, уже имеет заказчиков во многих странах мира.

Все изменилось на заводе: цехи, оборудование. Он обзавелся своим ночным санаторием, где после трудового дня отдыхают рабочие, уютным, хотя уже и тесноватым клубом, тремя библиотеками, техническим кабинетом, которому, вероятно, позавидует не один технический вуз, детскими яслями, садами, детским городком в Подмосковье, многочисленными новыми жилыми домами, дачами и садами...

Две трети рабочих учатся в заводских вечерних школах, техникуме, институте. Все больше оканчивающих десятилетку идут в цехи, правильно считая, что диплом инженера можно получить без отрыва от работы, в вечернем машиностроительном институте.

ГОВОРЯТ ГОСТИ СЪЕЗДА

Первый Всесоюзный съезд советских художников обсудил вопросы, связанные с состоянием и задачами советского изобразительного искусства. В его работе приняли участие делегаты 72 союзов художников Москвы, Ленинграда, республик, краев, областей. Среди гостей съезда были художники братских социалистических стран. Корреспондент «Огонька» обратился к некоторым из них с просьбой поделиться впечатлениями о съезде.

Рисунки из блокнота делегата съезда художника В. Высоцкого.

Заместитель председателя Союза китайских художников скульптор Лю Кай-цюй:

«МЕТОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА ДАЕТ ПРОСТОР ТВОРЧЕСТВУ».

— Я и мои товарищи, скульптор и искусствовед Ван Чжао-вэн и живописец Дун Си-вэн, были очень рады получить приглашение на съезд советских художников. Накануне нашего отъезда из Пекина в Москву все, с кем только нам пришлось беседовать, напутствовали нас: «Постарайтесь как можно большему научиться у советских художников». Это пожелание вполне понятно, так как советское искусство для нас служит примером того, как надо воссоздавать образ нового человека нового общества.

Мы уверены, что съезд явится решительным шагом вперед в теории и практике социалистического реализма в советском изобразительном искусстве; он во многом поможет и нам, китайским художникам.

Мы видим, как серьезно, основательно и по-товарищески обсуждают советские художники проблемы изобразительного искусства и как путем свободного обмена мнениями вносится полная ясность во многие вопросы.

Подведя итоги достижениям советского искусства, отмечая его сильные стороны и недостатки, съезд подготовит базу для новых успехов художников вашей страны. Он, несомненно, научит многому и художников всех стран мира.

Прогрессивные художники мира стремятся учиться у советских художников. Это стремление служит благородному желанию человечества: жить без войн и страданий, жить в мире и дружбе.

С большим интересом просмотрели мы выставки, организованные в связи с открытием съезда. Представленные здесь работы отличаются своеобразием. Это показывает, что метод социалистического реализма дает большие просторы для творчества и является самым передовым методом: он позволяет художнику глубоко, конкретно и ярко выразить мысли и чувства народа.

По приезде домой мы постараемся передать своим товарищам дух съезда советских художников.

Чехословацкий искусствовед Йозеф Цисаржевский:

«ОЧЕНЬ ХОРОШО, ЧТО ВЫСКАЗЫВАЮТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ».

— Очень правильно сказал в своем докладе Н. Акимов: «Реализм наших внуков будет отличаться от реализма наших дедов». Эта мысль примечательна тем, что она заставляет смотреть на искусство как на процесс и с этой позиции рассматривать традиции в искусстве. Это значит, что в рамках общего эстетического мировоззрения следует искать новые формы для отображения жизни, развивая традиции прошлого, но не замыкаясь в них.

Нас радует, что на съезде советских художников идет откровенный разговор об искусстве. Здесь раздается критика, но она не превращается в критику ради критики, а направлена на развитие искусства. Очень хорошо, что высказываются различные точки зрения. На мой взгляд, в искусстве не должно существовать одной, «официальной» точки зрения, с которой производилась бы оценка творчества всех художников: пусть искусство развивается в дискуссиях.

Дискуссии, которые происходят в среде советских художников, близки художественной общественности Чехословакии. В моей стране тоже спорят о том, что представляет собой социалистический реализм: творческий метод или эстетическое мировоззрение? Сейчас у нас начинается дискуссия об экспериментировании в искусстве. Конечно, экспериментирование должно быть подчинено главному — задаче наиболее полного выражения жизни художественными средствами.

Молодые художники Чехословакии находятся в первых рядах тех, кто занят поисками нового. Я не хочу пока давать оценку их работам. Но мне кажется, что было бы полезным организовать между нашими странами обмен выставками картин молодых советских и чехословацких художников. Мы бы тогда могли совместно обсудить то новое, что вносит в искусство молодое поколение.

Содружество художников социалистических стран, я уверен, принесет всем нам пользу.

Член Оргкомитета Союза художников Венгрии, дважды лауреат Государственной премии имени Кошута Эндре Домановски:

«СОТРУДНИЧАТЬ, НО НЕ КОПИРОВАТЬ!..»

— Значение съезда советских художников очень велико. Художники Венгрии с большим интересом ждут его решений. Мне кажется, что съезд правильно выбрал вопросы для обсуждения.

Художников моей страны волнует сейчас много проблем...

Мы хотим, чтобы в рамках единого Союза художников Венгрии могли существовать различные группы, которые объединят мастеров, близких по манере творчества.

Социалистический реализм — это не одна-единственная дорога, а много дорог, и каждый художник, не сбиваясь с общего пути, может идти той, которая ему больше нравится.

Мы, художники социалистических стран, должны сотрудничать между собой, должны обмениваться опытом, но не копировать друг друга. Социалистический реализм у каждого народа должен проявляться в своей, особой национальной форме.

Один из ваших старейших художников, В. А. Фаворский, заметил на съезде, что каждый из художников может говорить на своем языке. Я с ним согласен.

Главный секретарь Союза художников Болгарии Иван Фунев вручает В. А. Фаворскому подарок советским художникам от художников Болгарии.

Вл. РУДИМ Фото О. КНОРРИНГА.

Теперь подъем из шахты на два часа раньше.

Смена короче — угля больше

В текущем году добыча угля в стране должна возрасти на 27,2 миллиона тонн. Почти половину этого прироста даст Донбасс.

В небольшой комнате-нарядной седьмого участка шахты № 1 имени Челюскинцев было жарко: и от батареи, нагретой со щедростью, которую могут позволить себе только хозяева угля — шахтеры, и от страстей, разгоревшихся среди присутствующих. Горняки, только что завершившие смену, отчитывали бутчика Гранкина: закладывая породой выработанное пространство, он допускал пустоты — «конюшни», что категорически воспрещено. Этот брак снизил заработок всей бригады. Пытаясь смягчить гнев товарищей, бутчик уверял, что он все же сознательный и исправится, но кто-то из угла крикнул:

— Сознательный, як той витряк: не подуешь на него, так и работы не жди!

Характерно, что на бракодела с одинаковой энергией нападали и рядовые члены бригады и сам «кучерявый», как добродушно-шутливо называют на шахте бригадиров. Чувствовалось, что все в одинаковой мере болели за дело.

Всеобщая материальная заинтересованность и всеобщая тревога за положение в бригаде, на участке — следствие тех больших перемен, которыми знаменательны нынешние шахтерские будни. Один из старых горняков, машинист комбайна Василий Ефимович Кипка, так сказал нам об этом:

— Нынче уголек идет общий и деньги на весь колхоз крутятся!

Если же сказать несколько подробнее, то перемены следующие: сокращение рабочего дня до шести часов («второй завтрак теперь не берем в забой — до обеда хватает утренней заправки»), новая организация труда, изменение системы оплаты, при которой заработок каждого определяется единственным показателем — количеством добытого угля.

А еще недавно, когда кривая добычи то поднималась, то падала, подобно волнам (здесь так и говорят: «була колышка», то есть качка), существовал такой порядок: навалоотбойщик имел свою норму, крепильщик — свою, бутчик — свою. Работали вместе и в то же время врозь, каждый главным образом заботился о себе. И если, скажем, смена недодала угля, а навалоотбойщик Иванов и крепильщик Сидоров перевыполнили свои нормы, им даже премии полагались.

Иное дело сейчас. Тот же Василий Ефимович Кипка сказал об этом по-своему:

— Масло, сахар, яйца, мука по отдельности — еще не пирог. Вот когда замесить все это да умеючи испечь, получится вещь цельная и вкусная. Такой «пирог» испечен и у нас — комплексная бригада. Она состоит из людей одной, но универсальной профессии — из рабочих очистного забоя. Каждый член такого коллектива умеет и за комбайном работать, и крепить, и бутить... Индивидуальных норм нет, а есть план на бригаду. Чем больше она даст угля, тем выше будет заработок.

— Теперь каждый стал «кучерявым»! — с полным основанием воскликнул Кипка.

Да, теперь Иванову вовсе не безразлично, как работает Сидоров: если Сидорову трудновато, надо ему помочь, если симулирует, — не избежать такому «горячей обработки» от всей бригады.

Кстати, об отношении к работе: на шахте прогулы уменьшились более чем в два раза. Среди прочего не последнюю роль сыграло следующее обстоятельство: бригадиру, горному мастеру и начальнику участка предоставлено право лишать прогульщика премии.

О том, что заинтересованность и сознательность «не к примеру выросли», подтверждает и газомерщица Клавдия Григорьевна Старичкова, у которой по совместительству необычная должность табакотруса: она проверяет возле клети, не тащит ли кто с собой под землю табак. Хотя за курение в шахте отдают под суд, легкомысленные нарушители строгого правила все же попадались. Ныне же их почти не стало.

В общем, обстановка создана такая, что в горняцкой семье появляется все больше людей с пожизненной шахтерской расчетной книжкой.

Конечно, произошли перемены и в самом производстве. Проводилась основательная «облава» — так шахтеры называют хронометраж; ввели вместо прежних трех восьмичасовых смен четыре по шесть часов: три смены добывают уголь, четвертая занимается исключительно ремонтом, что очень важно. Перестроен и подземный транспорт: появились тяжеловесные поезда, электровозы увеличили скорости.

Одним словом, рабочий день уменьшился, а добыча увеличилась. Минус дал плюс.

— И вот что означает этот плюс, — сказал начальник седьмого участка Николай Дмитриевич Фесенко. — После перестройки план увеличили нам на 80 тонн, а фактическая добыча перекрыла и этот, увеличенный, план.

А шахта в целом? Долгое время она находилась в прорыве, а теперь даже перевыполняет задание. Среднесуточная добыча увеличилась на 700 тонн.

Так резко изменились дела на шахте. И не только на шахте.

На одном из наших снимков вы видите у окошечка ламповой Николая Березовского.

Сперва он был грузчиком на лесном складе, а когда услышал, какую в бухгалтерии «сготовили зарплату» добытчикам угля по новым тарифным ставкам, немедленно перешел в лаву.

— Ну как, довольны?

— А то как же! — отвечает Березовский. — Стал зарабатывать в три раза больше.

В забой перевелся из ламповой Виктор Родин, с поверхности перешел на фронт добычи Петр Корнилов... Всего же по тресту «Сталинуголь» только за месяц таких набралось 164 человека. Вот и получилось, что от перемены слагаемых изменилась и сумма — мы имеем в виду, конечно, увеличение добычи.

И еще одна новость: перетарификация. Специальность Николая Рогожникова — взрывник. Он обязан производить взрывные работы только в присутствии горного мастера и газомерщика. Но скоро он получит право действовать без них: закончив курсы, станет мастером-взрывником. Один заменит троих. Уже знакомый нам Василий Ефимович Кипка в числе первых с удовольствием прошел через это «чистилище». Будучи машинистом комбайна, Василий Ефимович, однако, не мог, как и большинство, ремонтировать машину. Это делали другие специалисты. На двухмесячных курсах Кипка овладел второй профессией и стал именоваться машинистом-механиком. Соответственно увеличилась и его сменная тарифная ставка. И шахте выгодно и Кипке тоже. У него растут четыре сына, всех их надо поставить на ноги. Один уже в горном институте занимается, остальные еще в школе, но тоже мечтают о высшем образовании. Заработок Василия Ефимовича составляет четыре — пять тысяч в месяц — сумма солидная, и «лишок» Кипка кладет на сберкнижку: собирается купить «Победу».

Сберкнижки, пожалуй, наиболее веско свидетельствуют о росте заработков. Заведующая сберкассой Валентина Михайловна Маркова проинформировала нас: после введения новой системы оплаты вклады «челюскинцев» возросли более чем на два миллиона двести тысяч рублей!

А чему равны те два часа, на которые уменьшился рабочий день горняков? Очень многому! Для Николая Рогожникова они означают, между прочим: будет больше времени заниматься любимыми делами — рисованием, струнным кружком, духовым оркестром.

Исак Демидович Бондарь получил возможность уделять больше внимания своим голубкам — голубкам и в прямом и в переносном смысле: у старого шахтера двенадцать детей и двадцать пар (летом гораздо больше) голубей. Мечта Исака Демидовича и его маленьких голубятников, Толи и Гриши, — вывести к шестому Всемирному фестивалю молодежи и студентов триста пар белых голубей.

У Алексея Харченко другое увлечение: фотография. За этим занятием его часто видят после смены на улице Франко, где он живет.

Потребовался бы очень длинный список, чтобы перечислить все «дополнительные страсти» горняков. Мы говорим «дополнительные», ибо основная их страсть — это, конечно, уголек.

— Уголек — всему начало, — говорят шахтеры.

Николай Березовский перешел с поверхности в забой.

В. Е. Кипка делает очередной взнос в сберкассу: копит деньги на автомашину.

Одно из любимых занятий Николая Рогожникова.

И. Д. Бондарь с сыном Гришей — «злые голубятники».

В субботу около 250 «челюскинцев» слушали в городском театре «Аиду».

ВСТРЕЧА С ГАМАЛЬ

А. СОФРОНОВ

Находясь в Египте с миссией доброй воли Комитета солидарности стран Азии, мы много раз были свидетелями искренней любви египтян к президенту Насеру. Слышали мы и немало рассказов о полковнике Насере, о его мужестве, сильной воле, проявленных в борьбе за освобождение Египта от колониалистов, в отражении англо-франко-израильской агрессии.

Мы побывали у многих видных государственных деятелей Египта, посетили Порт-Саид, любовались хотя и не работающим еще, но не потерявшим своей красоты Суэцким каналом, познакомились с египетскими писателями, журналистами и художниками. Предстоял прием членов миссии президентом Египта. Комитет солидарности стран Азии поручил нам передать президенту Египта восхищение борьбой египетского народа, его стойкостью и мужеством во время короткой, но суровой войны с агрессорами, передать чувства братской солидарности и дружбы наших народов к народу Египта.

Асад Торгаман, молодой человек, работник департамента национальной ориентации, сопровождавший нас во всех путешествиях, приехал на этот раз в отель «Континенталь» намного раньше обычного. Но и нас он застал уже готовыми.

— Президент примет вас в своей резиденции, то есть у себя дома, — сказал Торгаман. — В этом доме он жил еще до того, как стал президентом.

Скоро мы забрались в маленький автобус и по шумным каирским улицам отправились к дому президента. Часовые распахнули ворота, и мы въехали в большой двор, посреди которого журчал фонтан и бегали черноглазые мальчик и девочка.

— Это дети президента, — тихо сказал Асад, — у него их пятеро.

Нас провели в небольшую прохладную гостиную. На мраморном столике в вазе красовался букет желтых с подпалиной и красных роз. Египетские розы какие-то особенные: всякий раз, когда мы их видели, нам казалось, что они опалены знойными ветрами ливийской пустыни. Молча мы сели в кресла, осматривая комнату. На камине стояло несколько больших фотопортретов с дарственными надписями. Это были портреты Неру, Чжоу Энь-лая, президента Индии Прасада, Сукарно, Тито...

Над камином висела картина — египетские юноша и девушка. Видимо, художник хотел передать во взгляде юноши глубокое чувство любви к своей избраннице. На камине стояла еще большая ваза, она привлекала внимание необычным рисунком. На вазе была изображена Великая китайская стена, соединенная с египетскими пирамидами. Надписи были сделаны на китайском и арабском языках. Это был дар делегации китайского союза молодежи, недавно посетившей Египет.

Нас пригласили к президенту. Гамаль Абдель Насер стоял у входа в кабинет, пожимал нам руки, внимательно прислушиваясь к произносимым фамилиям. Затем он пригласил нас присесть на кожаный диван и кресла, окружавшие небольшой низенький продолговатый столик, и протянул ящичек с сигаретами, предлагая закурить.

Ануп Сингх, глава нашей миссии, член индийского парламента, один из секретарей Комитета солидарности стран Азии, рассказал о тех чувствах, которые питают азиатские народы, и в частности народы Индии, к героическому народу Египта. Представитель Китая писатель Ян Су, японский журналист Масахару Хатанака и я передали слова привета от имени национальных комитетов солидарности и наших народов.

Президент сосредоточенно слушал, время от времени пристально вглядываясь в говорившего. Когда наш японский друг Хатанака сказал, что на территории Японии расположено более 650 американских баз, Насер переспросил:

— Сколько?

— Более шестисот пятидесяти!

— Я благодарю вас за добрые слова в адрес нашего народа, — выслушав нас, ответил президент. — Во время борьбы с агрессорами мы чувствовали вашу поддержку, и мы не забудем помощь, которую нам оказали Индия, Китай, Советский Союз и другие народы. Мы рады, что ваши народы придают большое значение тем проблемам, какие возникли в этой части света. Мы должны знать теперь друг о друге значительно больше. Раньше все ограничивалось англичанами и их колониальными интересами в этом районе. Теперь Египет выходит на широкую дорогу. К нам приезжают друзья из Индии, Китая, Советского Союза, Японии, других стран, и мы сами ездим в эти страны. К Египту проявляется теперь другой интерес, совсем не тот, который проявляли когда-то богатые туристы, искавшие в нашей стране только возможность побывать на Ривьере и посмотреть пирамиды.

Президент Египта Гамаль Абдель Насер.
Фото Н. Драчинского.

Если в начале беседы президент был как-то сосредоточен и даже внешне несколько суров, то сейчас, когда он сам начал говорить, лицо его ожило, глаза засверкали.

— Географическое положение нашей страны таково, что уже более семисот лет она привлекает к себе интересы Франции и Англии. Я вам напомню: первая агрессия Франции против Египта была в 1249—50 годах. Король Франции Людовик IX, собрав большое войско, вторгся в Египет. Но наш народ тогда сказал ему: «Пожалуйста, приходи, тюрьма уже готова». Известно, что войска французского короля были разбиты, а сам он пленен. Но французы не успокоились. Более чем через пять веков еще один завоеватель, Наполеон, в 1798 году захватил и оккупировал дельту Нила. Правда, продвинуться в верховья Нила ему не удалось. Три года в Египте находился генерал-губернатор Франции. Потом его и всю его свиту египтяне выбросили.

Прошло немного времени, и уже захватчики под английским флагом в 1807 году появились в Египте. Генерал Фрезер захватил Александрию и дошел с войсками до Розетты. Но египтяне поднялись на войну с англичанами, разбили их войска, захватили много оружия.

— Кто командовал египетской армией тогда? — спросил Ануп Сингх.

— Мухаммед Али, — ответил Насер и тут же горячо добавил: — Но англичанам нанес поражение весь народ, весь народ!

Мы чувствовали, что в словах президента собрана вся горечь и ненависть к колонизаторам. Насер продолжал:

— Через несколько десятилетий англичане снова пошли на Египет.

Письмо русскому брату

АНВАР АС-САДАТ,
египетский журналист

Я решил написать моему русскому брату то, о чем мне хотелось поговорить с ним при встрече.

...Перед тем, как заняться журналистикой, я был офицером египетской армии. В 1942 году меня изгнали из армии и бросили в тюрьму: таково было желание английских властей. Там, в тюрьме, я провел пять лет. Там же я начал писать. В 1948 году я вышел из тюрьмы. Нужно было добывать средства к существованию. Я начал писать воспоминания о тюрьме. Их опубликовал журнал «Аль-Мусавьяр». Читатели хорошо их приняли. Журналистика стала для меня не столько ремеслом, сколько радостью и мукой.

Я вырос в маленькой деревне и хорошо помню рассказы моей бабушки о тех событиях, которые разыгрались в соседней деревушке Даншавай. А случилось там вот что: несколько английских солдат охотились на голубей. Крестьяне попросили солдат уйти. Однако солдаты не послушались и, продолжая стрелять в голубей, подожгли скирды пшеницы. У крестьян сгорел урожай. Потом англичане поставили перед деревней виселицы, притащили несколько крестьян, одного выпороли, а другого повесили.

Этот рассказ, как и подобные ему, волновал меня уже в юности. Я видел, что тот мир, в котором живу я, не знает ни спокойствия, ни безопасности из-за того, что нас давит империализм.

Я был свидетелем того, как в тот день, когда был свергнут король,

АБДЕЛЬ НАСЕРОМ

Это было в 1882 году. Они оказались в Александрии, пытались продвинуться в глубь страны, но дальше Кафра не прошли. Военная сила не помогла. Тогда они решили действовать интригами. Они договорились с французами, и английский флот подошел к Порт-Саиду. Англичане дошли до Исмаилии, оттуда проникли в Каир. Египет был покорен.

Президент остановился, лицо его стало суровым.

— Они были здесь, — продолжал он, — пока мы их не заставили в 1956 году эвакуироваться из Египта. Как видите, Англия и Франция не первый раз нападают на наши земли.

Насер помолчал, потом медленно сказал:

— Мы понимаем, что мы, возможно, и дальше будем объектами агрессии, таково наше положение. Но в войне с агрессорами осенью прошлого года наш народ показал, что он един и что он может оказывать сопротивление. Победа над агрессорами укрепила его веру в себя. Никогда раньше нашему народу не давали оружия. В эту войну полтора миллиона египтян получили оружие в свои руки. Это поворотный пункт в истории нашей страны. Наш народ понимает, что Египет теперь принадлежит не феодалам, а принадлежит египетскому народу.

Президент говорил все это с большой силой убежденности и увлечением.

— Мы не думаем, что опасность миновала. Война против нас продолжается. Война всякая. Только на территории некоторых близлежащих стран находится девять тайных радиостанций. Передачи идут с Кипра, из южной Франции... Всякие там «голоса свободы», «свободные Египты»...— Пожалуй, первый раз за всю беседу Насер улыбнулся.

Ануп Сингх спросил:

— А что же они говорят?

Насер продолжал с улыбкой:

— Это же, так сказать, психологическая война. Я им очень не нравлюсь, поэтому они говорят всякие нелестные вещи обо мне. Призывают жителей Египта запасаться хлебом, продуктами, медикаментами... Одним словом, пытаются повлиять на простых людей.

— Нам очень понравился египетский народ, — сказал Ян Су. — Мы успели познакомиться здесь со многими хорошими людьми.

— Да, наш народ хороший, честный, терпеливый, — проговорил Насер, и в его голосе зазвучали теплые нотки. — У нас ведь подавляющее число населения — феллахи. Они все почти плохо живут, бедно живут. Это до четырех пятых всего населения. У них очень маленький доход. И наше главное желание — поднять экономический уровень жизни нашего народа. Это не так просто сделать. Мы испытываем большие трудности. Против нас ведут экономическую войну. Цель этой войны — задушить политическое сопротивление нашего народа, разрушить и подорвать нашу экономику. Но египтян трудно сломить. Мы

Члены миссии доброй воли Комитета солидарности стран Азии с президентом Египта Гамаль Абдель Насером.

Фото автора.

живем нелегко, во многом себе отказывая. Этим пользуются, пытаясь оказывать на нас давление.

Вдруг президент снова улыбнулся:

— Я вам скажу: парадоксальное явление. Экономической блокадой можно, к примеру, повлиять на Англию и тем самым разрушить организованное производство, а на наше хозяйство, еще в такой степени не организованное, повлиять трудно. Мы стараемся полагаться на себя. Мы национализировали Суэцкий канал. Он наш, наша территория. Несмотря на то, что канал является собственностью Египта, который владел вначале сорока четырьмя процентами акций, Египет был в долгу. Различными махинациями англичане и французы отобрали и при-

британский посол от имени своего правительства дал нам совет, в котором нашла свое отражение теория «заполнения вакуума». Это не совсем та теория, о которой говорят сегодня. Тогда британцы хотели, чтобы мы посадили на престол одного из эмиров бывшей королевской семьи. Эмир был известен своим тяготением к Англии. Он унаследовал эту черту от отца хедива Тауфика, предавшего египетский народ в 1882 году, когда Англия оккупировала нашу страну.

Тогда мы отвергли теорию «заполнения вакуума» так же, как отвергаем план Эйзенхауэра сейчас. Я был свидетелем того, как английский империализм в течение 6 месяцев после революционных событий 1952 года пытался оказать давление на Египет.

Англия отказалась покупать наш хлопок, ссылаясь на то, что у нее на складах и так много этого сырья. Что касается действительной причины, то англичане просто-напросто хотели заставить голодать египетский народ. Они пожелали вернуть к власти правительство предателей, которое должно было бы сотрудничать с британским империализмом и притеснять Египет.

Но египетский народ не обманулся; революционный комитет твердо стоял на своем, хлопок был продан.

Поистине история не знает преступления более отвратительного, чем то, которое было совершено в Палестине. Здесь у местных жителей была отнята родина. Все это произошло с помощью мистера Трумена, президента США, который признал государство Израиль еще до его образования, на основе обещаний британского лорда Бальфура, а также с помощью некоторых руководящих деятелей Франции, которые прикрывались словами о равенстве и братстве!..

Все это сделали руководители так называемого свободного мира!

В течение последних лет Британия по-прежнему оставалась монополистом в торговле оружием с арабскими странами. Но империалисты продажу оружия связывали с определенными условиями и обязательствами со стороны Египта.

Британия всячески оттягивала поставки вооружения Египту. А когда мы купили его у социалистического лагеря без всяких обязательств, на основе взаимной выгоды, «свободный мир» поднял крик.

Я видел империализм в самом отвратительном его обличье... Я был свидетелем того дня, когда правительство Идена не нашло иного средства воздействия на нас, кроме подлой агрессии, которая началась 29 октября и позорно провалилась 7 ноября 1956 года.

Я, как и весь египетский народ, был счастлив, когда Советский Союз и свободолюбивые народы оказали нам поддержку.

Я был восхищен посланиями Советского Союза, направленными правительствам Великобритании, Франции и Израиля 5 ноября 1956 года.

Поистине эти послания означали для нас конец одной эры и начало другой...

Эти послания со всей очевидностью показали, что для Франции и Англии нет возврата в Египет.

Эти послания показали, что с империализмом и с политикой с позиции силы рано или поздно будет покончено навсегда.

Мы смеемся от души над теми, кто до опубликования посланий говорил с нами хвастливо и высокомерно, не иначе, как с помощью бомб и танков. И вдруг мы увидели их в растерянности и страхе...

Мы будем продолжать бороться за мир, в котором народы понимают настоящий смысл братства и любви. В этом мире каждый народ выберет для себя строй, который предусматривает невмешательство в его жизнь....

Это мир, в котором восторжествует воля народов, потому что сегодняшний век — это век воли народов.

Каир.

Перевод с арабского.

надлежащие Египту акции, не дав Египту ни копейки. Это было использование египетских доходов в интересах Англии и Франции. После национализации канала Египет еще не успел получить доходов с канала. Англия и Франция при поддержке Америки создали искусственную проблему, цель которой не дать возможности Египту получить экономические выгоды от эксплуатации канала. Национализация канала нужна нам для осуществления производственных планов, для подъема жизненного уровня нашего народа. Не для того чтобы строить новые Ривьеры, и не для тех, кто когда-то посещал эти Ривьеры. Впрочем, они тоже как будто хотели нашей независимости, но фактически действовали в другую сторону.

— Как вы относитесь к укреплению солидарности стран Азии и Африки? — спросил Ануп Сингх.

— Укрепление солидарности стран Африки и Азии очень важно для народов обоих материков. У нас есть общие проблемы, мы должны сотрудничать, мы должны быть вместе в случае возникновения агрессии, — ответил Насер. — Укрепление солидарности будет иметь большой эффект. Для некоторых было странно, что я, став премьер-министром, первый выезд сделал в Азию, на Бандунгскую конференцию. Раньше было принято, что первый визит премьера был в Европу. Узел многих проблем сходится сейчас на Среднем Востоке. Желая нас подавить, пытаются изолировать нас от других стран, и в первую очередь от стран, которые могут оказать нам помощь. А наша действительная политика — защита интересов нашего народа, независимости нашей страны, невмешательство во внутренние дела других государств. На нашей земле больше нет ни одной иностранной военной базы. Мы впервые за долгое время стали абсолютно свободны.

— Что вы думаете об Израиле? — продолжал свои вопросы Ануп Сингх.

— Израиль является оружием в чужих руках. Нас пытаются уговорить: «Мы вам поможем в борьбе с Израилем, в борьбе за ваши права, но для этого вы должны заключить союз с Францией, Англией и Америкой, иначе агрессии не избежать». Это предлагается в качестве единственной меры. Но всем, кто нас пытается уговорить, мы дали наглядный урок и показали, что агрессия не поможет. Мы не собираемся начинать войну против Израиля. Но ООН не должна принимать ни одного решения без согласия Египта. Мы не возражаем против установления демаркационной линии с войсками ООН для предотвращения столкновений, но мы не уступим ни Газы, ни Акабского залива. До сих пор не решена палестинская проблема. Пожалуй, она даже сейчас забыта. В 1949 году было достигнуто перемирие, но границы не было установлено. Наличие демаркационной линии не приостановило состояния войны. У Израиля есть притязания, а у арабов есть права на имущество, на земли. Арабские беженцы должны вернуться на свои земли. ООН отказывается поддержать арабов в их законных требованиях. Мы считаем, что отказ в выполнении справедливых требований арабов — результат закулисных интриг и сговоров в ООН, направленных против арабских стран.

Беседа с президентом Египта уже превысила два часа. Мы сказали:

— Мы отняли у вас очень много времени, господин президент.

— Нет, ничего... Я рад встретиться с вашей миссией.

Ануп Сингх сказал:

— На заседании Комитета солидарности стран Азии, происходившем в Дели, было решено в 1957 году созвать конференцию солидарности стран Африки и Азии на неофициальном уровне. Как вы относитесь к этому, господин президент?

— Я думаю, что такая конференция могла бы быть очень эффективной и полезной.

— На заседании было высказано пожелание, чтобы местом такой конференции был Каир, — продолжал глава нашей миссии.

— Мы приветствуем ваше предложение. Я заверяю вас в полной поддержке вашей инициативы. Тут, конечно, есть некоторые трудности. Мы не имеем связей со всей Африкой. У нас есть связь с Сомали. 6 марта Золотой Берег провозгласит независимость... Но Нигерии, Кении, некоторым другим странам не разрешают иметь с нами никаких отношений. Если египтяне пролетают эти страны просто в качестве пассажиров, их не выпускают из самолетов. Но если мы решим созвать такую конференцию, надо будет найти возможности установить связи с наибольшим количеством африканских стран.

— Еще один вопрос, господин президент, — сказал Ануп Сингх. — После национализации Суэцкого канала Англия и Франция требовали бесплатного прохода через канал... Они, видимо, и дальше будут требовать этого?

— Для того, чтобы не создавать инцидентов, мы разрешили на первых порах бесплатный проход через Суэц кораблям Англии и Франции. Вам известно, что они нам угрожали. Теперь дело меняется...

— Вы будете требовать с них плату?

Президент засмеялся:

— Конечно! Как со всех других.

Мы поднимаемся, но Ануп Сингх задает еще последний вопрос:

— Скажите, пожалуйста, не возникает ли сейчас возможность возобновления вопроса об американской помощи в строительстве Ассуанской плотины?

Президент отвечает коротко:

— Нет. Америка заморозила наши средства. Она не хочет, несмотря на наличие излишков, продавать нам пшеницу, медикаменты и другие товары. Мы скоро будем иметь свою национальную экономику, и мы убеждены, что через нее мы добьемся наиболее быстрого экономического расцвета.

Мы благодарим президента за сердечную и откровенную беседу и выходим на крыльцо дома.

Нам хочется оставить память о встрече с Гамаль Абдель Насером. Щелкают фотоаппараты. Мы садимся в автомашину, бросая последний взгляд на крыльцо, где стоит еще, провожая нас, президент Египта.

4 марта 1957 года Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин принял посетившую Советский Союз делегацию Национального фронта демократической Германии во главе с депутатом Народной палаты профессором Эрихом Корренсом.

На снимке: немецкие гости на приеме у Н. А. Булганина.

Фото М. Савина.

СЛЕТ ГЕРОЕВ ЦЕЛИНЫ

Был момент, когда в Большом Кремлевском дворце разнесся запах свежего хлеба,— это бригадир тракторной бригады З. Мелихов преподнес президиуму каравай, испеченный из павлодарской пшеницы.

И казалось, в эти минуты аплодировали не только делегаты и гости слета — весь советский народ с благодарностью рукоплескал тем, кто преподнес Родине в минувшем году невиданный «каравай» — миллионы пудов целинного хлеба,— кто так много сделал на безлюдных степях за три года...

В высоком и светлом, словно светящемся изнутри зале собралось тысяча двести комсомольцев, отличившихся на освоении целинных и залежных земель. Вот сидит бригадир молодежной тракторной бригады Иван Рудской, которому целина дала многое: мастерство механизатора, золотую звезду Героя Социалистического Труда, достаток, отличное пополнение в семье — двух сыновей; вот трактористка Тенизовского зерносовхоза Ольга Чуб, одна из многих достойных дочерей Отчизны; вот молодой алтаец тракторист Николай Вантенков, который в двадцать с небольшим лет получил высшую награду — орден Ленина... Ораторы говорили о том, как лучше организовать работу в молодых совхозах, смело критиковали министерства, главки — всех тех, кто плохо, неповоротливо выполняет требования целинных совхозов и МТС.

На слете торжественно прозвучало обращение к юношам и девушкам, осваивающим целинные земли, прозвучал призыв к новым замечательным делам во славу Родины.

В. ВАСИЛЬЕВ

Теплой была встреча в Кремле участников слета с представителями китайской молодежи.

Вечером после слета начался бал, игры. Было очень весело!

Фото А. Гостева.

Дмитрий Чуркин, лесовод...

Рассказ

Федор ПАНФЕРОВ

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

1

Степи растрескались так, что во все стороны ползут извилистые и толстые трещины, похожие на удавов. Травы не выгорели, нет, они пересохли и не гнутся, точно перекаленная проволока. А из среднеазиатской пустыни наседает свирепый ветер, вот уже сорок девятый день в одном и том же направлении, куда-то на северо-запад, порою развивая такую силу, что валит с ног коня.

И жара, от которой никуда не укрыться: всюду стелется необозримая, как океан, равнина, а на ней ни рощи, ни кустика, даже камыши, и те поседели, будто инеем подернулись.

Куда же везет академик Иван Леонтьевич Бухаров секретаря обкома Акима Петровича Марьева и чем намеревается удивить его в этой прокаленной полупустыне?

— Самородок покажу. Самородки — дар народного ума, заметьте себе,— сказал он перед выездом в степи.

Опять какие-то завихрения у академика? Иногда такое бывает у Ивана Леонтьевича. Вот сейчас, например, с него льют потоки пота, будто сок из арбуза под ножом, а он шоферу:

— Друг мой! Благодать-то какая кругом! Землищи-то! Миллионы гектаров! Сосал ее человек, и сосал по-глупому. А мы к ней руки приложим: озеленим лесами, украсим каналами, зальем озера, низины и этому сумасшедшему ветру перервем глотку. И, поверьте, все свершится на нашей памяти.

Ну разве это не похоже на завихрение фантазии? Украсить десятки миллионов гектаров полупустыни да еще «на нашей памяти»! Верно, академик все сознательные годы провел в труде над проблемой освоения богатейших пастбищ полупустыни и ныне считается знатоком юго-востока. Однако это не дает права на завихрение.

«Что ж, посмотрим самородок. Коров, овец смотрели. Теперь — самородок!»—раздраженно думает Аким Марьев. У него времени в обрез, а тут — прихоть ученого. Но приходится уступать: взъерепенится академик и забьется в кабинет.

И «ЗИМ», словно лев, несется по степи, напрямую, без дороги, туда, куда ведет его шофер по указанию Ивана Леонтьевича.

В кузове, несмотря на то, что все окна открыты, душно, как в угарной бане. Да и на воле, видимо, не лучше. Вон на кочках сидят степные орлы. Растопырив крылья, они тяжело дышат, иногда оглядываясь, будто ища помощь.

— Сюда — и стоп,— сказал академик шоферу, кивая на песчаный бугор, поросший почерневшей травой перекати-поле.

Когда машина остановилась, Иван Леонтьевич обратился к Акиму Марьеву:

— Вы повремените... Я разыщу его.

«Самородок пошел разыскивать. В траве, что ли?» — не без насмешки подумал секретарь обкома и тут же увидел: в низине на огромной площадке раскинулся лесопитомник, а рядом с бугром — ворота, неподалеку от ворот — домик, разукрашенный разными красками, похожий на сказочный теремок.

2

Питомником ведал Дмитрий Чуркин.

Ему уже под шестьдесят лет, но на ногу он легкий, быстрый: чуть что, сейчас же вскочит и побежит. Лицо у него заросло густой бородой так, что видны только нос и глаза, поэтому при первой встрече с ним кажется, что к вам подступает просто одна борода, седоватая, в завитках.

Иван Леонтьевич, выйдя из машины, посмотрел на площадку. Да, она красивая: песчаные желтоватые дорожки отделяют зеленые, буреющие, сизые квадраты с тянущимися к солнцу побегами дуба, татарского клена, сосны, акации. И среди этих квадратов особенно нарядно выглядел домик. Домик в полупустыне! Грядки молодого лесочка в полупустыне!

«Умеет он с душой все делать»,— подумал академик и, завидя Чуркина, стал усиленно махать рукой, зовя к себе. Тот кинулся к нему, напоминая в беге зайца, несущегося в гору.

— Задохнется ведь, чего горячку порет!— проворчал академик, но лесовод, даже не передохнув, произнес:

— Здравствуйте, Иван Леонтьевич!

— Здравствуйте, Дмитрий Савельевич! — ответил академик, подавая руку.— Как дела?— спросил он, отрывая взгляд от бороды и переводя его в голубые, удивительно чистые и молодые глаза Дмитрия Чуркина.

— Была бросовая земля, а человек прикоснулся и красоту создал. Вот он кто такой, человек! Не зверь, а существо разумное! — Борода у Чуркина вдруг зашевелилась — признак: он улыбнулся.— Все виды корешками, как когтями, вцепились в матушку-землю, Иван Леонтьевич. Но татарский клен ухватистей.

— Ухватистей? Что такое ухватистей? Ухват... Ухватистей... Значит, ловко хватается за землю? Почему ухватистей татарский клен? А дуб?

— Дуб, он вроде гневный: то не хочу, другое не хочу. Солнца много — не хочу: повяну. Мороз — не хочу. А татарский клен — давай все это мне и подкармливай водичкой.— Борода у Чуркина снова зашевелилась, и он воскликнул: — Семена тутового дерева не только проклюнулись, но и, видите, грядку бархатом покрыли! Эх, Иван Леонтьевич, придет время, шелк собирать будем!

Академик, чтобы дать возможность Чуркину разговориться, опять спросил:

— В осень не думаете с питомника пересадку делать? Места для лесопосадок вспаханы.

— Рано от материнской груди деревца отрывать. Пускай вместе с матерью-землей еще разок перезимуют, а потом мы их на волю: на ножки становитесь. Мамаша вас уже приучила ножкой топать. Иначе весь труд загубим...

— Вот оно как лесок-то выращивать!— проговорил академик, отворяя дверку машины и приглашая секретаря обкома в питомник.— Слыхали, сначала надо деревцо выдержать у груди матери-земли, потом отделить, высадить на просторы, ухаживать за ним лет пять, как за ребенком... И жди еще лет пятнадцать — двадцать, когда оно в кроне зашумит.

Как и всем впервые видевшим Дмитрия Чуркина, Акиму Марьеву тоже показалось, что на него наступает курчавая борода. А Чуркин, еще не зная, кто перед ним, шутливо проговорил:

— Дмитрий Чуркин. Не песенный разбойник, а вполне мирный человек.

«Этот, что ли, самородок? Неказист»,— все с той же усмешкой подумал секретарь обкома, хотя вид питомника и то, что говорил с академиком Дмитрий Чуркин, заинтересовали его.

— Секретарь обкома партии Аким Петрович Марьев,— шепнул Чуркину шофер.

Лесовод что-то пробормотал. Академик, чтобы помочь ему выбраться из растерянности, сказал:

— Покажите нам свое богатство. — И как только Дмитрий Чуркин кинулся к лесопитомнику, Иван Леонтьевич, взяв под руку Акима Марьева, сообщил: — Немного странноватый, холостяком живет. Говорят, когда-то был женат. Жена покинула его: не выдержала пустыни. И с тех пор одинокий.

А Дмитрий Чуркин уже нагнулся, бережно провел ладонью по закудрявившейся зелени, произнося:

— Это у нас дубок,— но, обычно словоохотливый, тут снова застеснялся перед секретарем обкома.

И опять на помощь пришел Иван Леонтьевич.

— Не мало ли даете удобрений дубку? Не зачахнет?

— Ну, что вы, Иван Леонтьевич! — на какое-то время забыв о присутствии секретаря обкома, четко заговорил Дмитрий Чуркин.— Можно перекормить, изнежить. А дубок — что ребенок: изнеженный ребенок становится квелым. Как что — и гробик готовь. А у нас тут почти то же самое: у груди матери-земли растет деревцо. Изнежь его, а потом высади под пекло в степи — и захиреет. Нет, мы ему здесь физкультурную зарядочку дадим, чтобы оно на степь-то выбежало сильным.

«Интересно и доказательно говорит»,— мелькнула мысль у Акима Марьева, и он невольно стал прислушиваться к словам Чуркина.

— Ну, что, каков? — показывая глазами на Чуркина, который присел на корточки и выдирал из грядки какую-ту травинку, шепотом произнес академик.

Аким Марьев недоуменно пожал плечами и, обращаясь к Чуркину, спросил:

— Вы давно лесом занимаетесь?

Вопрос был простой и пришелся по душе лесоводу.

«А секретарь-то ничего человек. Другой бы на его месте такое ввернул, что голова бы затрещала»,— подумал он и заговорил:

— С малолетства, товарищ секретарь обкома. Отец, бывало, меня за это драл-драл, аж прутья свистели. А отучить не смог: заражен я лесом.

3

Дмитрий Чуркин не фантазировал: он действительно «заражен» лесом еще с малых лет. Во время половодья уходил на Волгу, вылавливал там вырванные из берегов верховья молодые дубки, березки, сосенки. Тащил все это во двор отца, высаживал у плетней, за плетнями. Отец вначале бранился, а потом стал поколачивать сынка: надо пахать, а Митька опять утек на Волгу.

— Не дурачок ли он у тебя? — спрашивали односельчане.

Такое размышление односельчан обижало отца, и однажды он, вырвав все деревца, посаженные Митей, надергав из них прутьев связал в пучок, сказал:

— Гляди, Митрий, вот что отведаешь, ежели дурь из головы не выкинешь! Отдеру!— И вскоре так отхлестал сына, что тому несколько дней нельзя было ни лечь, ни сесть.

Но отец года через четыре умер, и Митя, которому стукнуло уже восемнадцать лет, подался на сторону: сначала поступил сторожем к помещику Куракину, человеку взбалмошному, выдумщику, бывшему генералу, за буйные кутежи сосланному в полупустыню — родовое имение — без права бывать не только в Питере или Москве, но даже в губернских городах. И здесь, скучая по попойкам (соседи-помещики, зная буйный нрав Куракина, сторонились его), он стал, по выражению чабанов, заниматься «разными выкрутасами», стремясь показать себя европейски деловым человеком. В первую очередь занялся кроликами; выписал их из Бельгии, заявил:

— Миллион штук выращу и — миллионер.

Кролики, конечно, при такой жаре, какая свирепствовала в степи, погибли. Тогда Куракин решил разводить коней — арабских скакунов. Но и они не прижились.

И вот Митя Чуркин подал барину мысль:

— Насадить тутовые деревья и заняться сбором шелковичных коконов.

— Идея! — воскликнул Куракин и кому-то

пригрозил: — Вот чем мы их доконаем, чумазых!

Посадочный материал был выписан в количестве ста экземпляров.

Митя, которому уже перевалило за двадцать, распорядился, чтобы рабочие приготовили глубокие ямы, заложили бы их навозом, затем сказал барину:

— У вас пало двенадцать лошадей. Разрешите их порубать и побросать в ямы: самое «вкусное» удобрение.

Барин сморщился, ответил:

— Зашумят листвой деревья, а я буду смотреть на них и думать: на падали растут. Отвратительно! Руби головы живым коням.

Посадка принялась.

Вскоре наступила революция, народ изгнал Куракина, стер с лица земли имение, а тутовая роща осталась.

Года четыре тому назад мощными, с густыми кронами тутовыми деревьями любовался академик Иван Леонтьевич Бухаров. После этого он отыскал Дмитрия Чуркина и поставил его во главе питомника.

Рассказ Дмитрия Чуркина был краток, прост и потому взволновал секретаря обкома.

— А степи вы любите? — спросил он, желая поговорить с лесоводом.

— Степи? Что же степи? — Чуркин посмотрел на бугры, окружающие питомник, за которыми стелились прокаленные солнцем степи, и, почему-то виновато улыбаясь, сказал: — Нет, товарищ секретарь обкома, не люблю.

— А чабаны другое говорят: «Век бы, слышь, в степи жил: овечек паси, и на тридцать — сорок километров всё тебе видать».

— Это не запрещено — любить. Пускай гоняют: степь широка и велика. Только украсить ее положено. Мы и хотим центры зеленые создать. Там дуб, тут татарский клен, сосна... Человеку приятно: тень. А ветру — смерть. Но главное наше внимание сейчас направлено, товарищ секретарь обкома, на тутовое дерево. Разведем тутовое дерево и шелк будем собирать. Как это вам покажется?

Иван Леонтьевич видел, что секретарь обкома уже покорен Дмитрием Чуркиным, этим с виду невзрачным, заросшим бородой человеком. И, не вступая в разговор, он радовался так же, как радуется, допустим, геолог, показывая людям открытые им богатейшие залежи руды.

— Не мешайте им, — шепнул он любознательному шоферу. — Слышите, секретарь обкома спрашивает, привьется ли здесь тутовое дерево.

Дмитрий Чуркин задумался, посмотрел куда-то вдаль и ответил:

— Сказывал я вам, что около сотни тутовых деревьев растут в глубине степей. Вон где. Растут и растут, — и повел гостей дальше, показывая им посадку татарского клена, сосны, акации.

Во всем поведении Чуркина — в жестах, в том, как он оглаживал молодые деревца, в его словах, — во всем чувствовалось, что он всю жизнь отдал лесу и не раскаивается в этом. Но вот, выйдя из питомника за ворота вместе с гостями, он, погрустнев, вдруг проговорил, обращаясь к академику:

— Эх, годков хоть десяток сбросить мне! Чую, попал в ваши руки, Иван Леонтьевич... тут бы и поработать, а кости трещат, вроде сухие сучья на березе. Скоро, стало быть, на удобрение пойду. Прошу, память обо мне не забыть.

— Разговор излишний. Вы еще поработаете да поработаете, — проговорил академик, хотя видел, что части лица, не заросшие бородой, особенно под глазами, у Дмитрия Чуркина уже покрылись той желтоватостью, которая не предвещала долгих лет жизни, и потому быстро добавил: — Память о вас останется в веках: такой прекрасный питомник заложили. Кто это забудет? Отсюда деревца пойдут в степи, их украсят.

— Питомник — да. В степи деревца уйдут — да. А меня забудут. Тутовые-то деревья растут, а кто посадил, — редко кому известно, — с грустью произнес Дмитрий Чуркин.

Академик неожиданно спросил:

— Домик красили, краска осталась?

— Имеется.

Иван Леонтьевич, прочитав надпись на полукруге ворот: «Лесопитомник отделения Академии наук СССР», — еще сказал:

— Давайте-ка сюда краску... черную... и лестницу.

4

Пока Дмитрий Чуркин бегал за лестницей и краской, здесь у ворот произошел такой разговор.

— Вот такие, по виду замухрышки, как Чуркин, порою и ломают ученым геркулесам хребты, — обратясь к секретарю обкома, говорил академик. — Вы, наверное, читали первую инструкцию по гослеспосадкам. Как в ней все логически красиво: землю вспахать на такую глубину, под парами держать столько-то, посадку дуба производить гнездами! Все логически красиво. И инструкцию подписали ученые-геркулесы. Хорошие ученые. Дурного о них ничего не скажешь. Авторитеты. Однако вместо дуба выросла трын-трава. Чуркин идет своим путем, подсказанным жизнью, опытами, и возразить ему невозможно.

Академик смолк, молчали и все, глядя на то, как от домика на бугор все той же трусцой бежит Дмитрий Чуркин, неся на плече лестницу и держа в руке ведерко с краской.

Иван Леонтьевич приставил лестницу к воротам, взял ведерко с краской и кисть, затем взобрался к полукругу и к словам «Лесопитомник отделения Академии наук СССР» подписал: «имени Дмитрия Чуркина».

— Вот. Обязательно проведу через президиум Академии, — уверил он.

Дмитрий Чуркин замер на месте, как замерли и все. И только когда услышали тихо произнесенное имя «Тося», все оживились, а Иван Леонтьевич спросил:

— Что это вы? Кого?

— Жену вспомнил. Умерла. Гляжу сейчас, читаю увековечение и думаю: «Посмотрела бы, чего достиг Дмитрий Чуркин!»

Машина уже поднялась на соседний бугор, а Дмитрий Чуркин все стоял перед воротами, задрав голову, и затуманенными глазами смотрел на надпись, перечитывая ее. Теперь он уже ничего не видел: ни лазурного чистого неба, ни степей, ни питомника, ни полукруга над воротами. Перед ним крупно, гораздо крупнее, нежели все это было написано, маячили слова: «Лесопитомник отделения Академии наук СССР имени Дмитрия Чуркина».

К нему подошел сторож, о чем-то спросил, нагибаясь, как над мальчонкой. Чуркин, видимо, не слышал его и все смотрел и смотрел на надпись, вспоминая всю свою жизнь, все свои старания, вложенные в разведение леса, несчастье: уход жены, ее смерть на стороне, свое одиночество и тоскливые вечера, ночи... И вот сам академик написал: «имени Дмитрия Чуркина».

Машина некоторое время стояла на пригорке, и все пассажиры смотрели отсюда на Дмитрия Чуркина.

Нарушая тишину, секретарь обкома сказал:

— Вы, Иван Леонтьевич, десяток лет жизни прибавили Чуркину.

— А стоит, — не сомневаясь, проговорил академик.

Быть человеком воспрещается?

Грегор ГРАБЕР

Рисунки Е. КЛЮЧЕВСКОЙ.

Выпущенная берлинским издательством «Конгресс» книга Грегора Грабера «Быть человеком воспрещается» — документальный репортаж, написанный в одной из западногерманских тюрем. Герои репортажа — четверо немецких коммунистов — не вымышленные персонажи, а живые, реальные люди, хотя в книге они носят вымышленные имена. Как и сам автор, это пленники боннской «юстиции», один из которых — Карл Юнгман — недавно скончался в тюрьме.

Книга написана еще до запрещения Коммунистической партии Германии. Но она очень ярко передает картину террора против патриотов-коммунистов, борцов за дело немецких трудящихся.

Ниже публикуются отрывки из книги «Быть человеком воспрещается».

Пролог

Человечество восстало против войны. Будущее принадлежит людям доброй воли, людям-созидателям. Таков закон нашей эпохи.

Кто, как не 30 миллионов коммунистов, идет во главе двух с половиной миллиардов людей в гигантской битве за мир?

Мы, политические заключенные, немецкие коммунисты,— четверо из их числа. В тюрьме мы в общей сложности сто два месяца. Такие же, как и мы, коммунисты сидят сейчас за решеткой повсюду в Федеративной Республике Германии: в Эссене, Бохуме и Мюнстере, в Гамбурге, Люнебурге и Бремене, в Майнце, Карлсруэ и Мюнхене. Но разве стены могут разделить нас? Разве тюрьмы в состоянии нас ослабить? Никогда!

Потому что мы везде: на заводах, в селах и городах. Мы в самом народе, ибо мы часть его.

Поэтому-то нас и бросают в тюрьмы. Помни об этом! То, о чем мы хотим рассказать,— это не героическая песнь. Такую песнь следовало бы сложить о наших женах и матерях. Может быть, ты, читатель, сможешь это сделать? Так сложим же сообща героическую песнь о нашем народе, который борется за мир, за счастливое будущее.

Четверка друзей

«Быть человеком воспрещается!» — вот что ясно, хотя и невидимыми буквами значится на стенах нашей тюрьмы... Воспрещается? Этот вопрос требует ответа. А ответ мы уже дали своей жизнью, прожитой до сих пор. Жизнью, которой живем здесь...

Нас четверо. Четверо мужчин, и все мы разные. Давайте представимся, от самого старшего до самого молодого.

Самый пожилой из нас — Карл. Тридцать лет проработал он под землей — забойщиком, горняком. Он расхаживает по тюремному двору как старожил.

Карл курит трубку, наполняя камеру резким запахом табака, и лукаво взирает на окружающее. Он кажется несокрушимым. К тому же он завзятый шутник. Это рабочий до мозга костей, он страстно любит свою дочь и всеми фибрами души ненавидит угольных магнатов. Человек твердой воли, начитанный, опытный, умный, рассудительный. Он знаком с рабочими Донбасса, Лонгвильского бассейна, Хунани, его знают в Европейском рабочем союзе. Немецким горнякам он известен как защитник их интересов, борец, никогда не падающий духом.

Каково же его «преступление»? Процитируем, как формулируется в приговоре состав преступления: «убежденный коммунист».

Жорж — учитель. Два года он просидел в одиночке. Только после этого начался процесс. Ему тридцать один год. Он любит разговаривать обо всем: о библии и «Фаусте», о Китае и теории относительности, о работе Ленина «Что делать?» и картинах французских художников. Он рисует и изучает русский язык. Дома его почти уже три года ждет жена.

Еще осенью 1954 года, будучи короткое время на свободе, он работал секретарем Общества германо-советской дружбы и требовал, чтобы Федеративная Республика установила дипломатические отношения с Советским Союзом. В тот день, когда Жорж предстал перед судом, федеральный канцлер Аденауэр поехал в Москву, где такие отношения и были установлены. Но приговор гласил: три года тюрьмы... для Жоржа, разумеется.

Франц, третий, не дает всем покоя своими вопросами. Этот любознательный электрик с шахты Рейнбабен рано женился. Он гордится сыном, которого не видел четырнадцать месяцев. В детстве лишившись родителей, он воспитывался в чужой семье, сам искал пути в жизни. И решил бороться за будущее — свое и той молодежи, защитником интересов которой он стал. Формулировка состава преступления: «активист профсоюзной молодежи».

Теперь его занимают книги. Он спрашивает: как бы это сделать, изучить все разом? Литературу, электротехнику, древнюю историю, оперную музыку, тайны строения атома. Что такое сюзерен и что такое изотоп? Что написано в «Илиаде»? О существовании Гомера и Данте он узнал только здесь, в тюремной камере. На воле он день за днем лежал в забое и чинил электропроводку.

И, наконец, последний — Беньямин Герд. Четырнадцать дней медового месяца и — тюрьма. И вот уже скоро второе рождество, как он здесь. Так уж получилось у него с женитьбой. Он напоминает теперь молодое бродящее вино.

Юноша работал в конторе. Он пожертвовал для работы в молодежной организации тем, что обычно называют «порой юности». Очевидно, поэтому приговор гласит: «за большевистские взгляды».

Такова наша «четверка». Днем мы работаем все вместе — четыре человека в одной камере.

У нас все общее: убеждения, бодрость духа, любовь, ненависть и надежда. Из всего этого, согласно законам жизни, формируется большое «МЫ»; оно порождает нечто новое и высшее: товарищескую сплоченность.

А в общем и целом мы частица коммунистической партии.

В рабочей камере

В семь часов начинается работа. В рабочей камере мы сидим вчетвером. С раннего утра до конца работы — при лампе. Мы клеим конверты. Иногда восемь тысяч штук, иногда меньше, в зависимости от размера: клеим синие служебные (германский государственный стандарт «Б 6») и большие твердые пакеты для «дел» (стандарт «Е 4»). Вокруг громоздятся кипы бумаги. Мы ее разглаживаем, фальцуем, склеиваем, складываем и упаковываем.

Утренние часы работы прерываются получасовой прогулкой. Наш «путь философов» во дворе насчитывает тридцать кругов. Как на манеже. Нас четверо плюс два—три надзирателя для охраны. Обычно мы делаем и тренировочную пробежку, и тогда тяжелые ботинки стучат по мостовой. В дождь и туман прогулка отменяется.

Снова камера. Часы падают один за другим, как переспелые яблоки с яблони. А потом ночь протягивает в камеру свои холодные пальцы.

Но пока только полдень. Час обеденного перерыва. Гремят котлы с пищей и ключи. Все здание наполнено шумом и грохотом. Обед из одного блюда: горох, бобы, чечевица или картошка с рыбой, причем рыба уже выварена для подливки, или же лапша, сваренная в большом котле.

После обеда снова разглаживаем, фальцуем, клеим. Вечер принадлежит нам. В шесть часов дверь закрывается на двойной замок и задвижку. Отбой!

Сидишь в камере, читаешь. Перелистываешь словарь русского языка. Учишь слова, пословицы, обороты речи. Или же стараешься представить, о чем думает сейчас твоя жена. На столе стоит и смотрит на тебя ее фотография.

Потом мысли устремляются в будущее. Когда-нибудь будет мир, настоящий мир, и мы будем строить хорошую жизнь. Не только для себя — для всех. Школы и детские сады, университеты и рабочие клубы. Никаких казарм НАТО! Еще многое нужно сделать, многому научиться. Но придет день... Он придет. Так, как приходит день свидания с близкими.

Свидание

«Кто сам любил, поймет
мое унынье!»
Гёте.

Ведь и у нас есть жены и дети. И в наших сердцах любовь и забота о них. Мысли о домашнем очаге, большие и маленькие. Мальчику Франца семнадцать месяцев, он до сих пор не знает отца. Это белокурый, кудрявый карапуз с большими глазами. Дочка Карла только что окончила школу. Дома она отпраздновала первое причастие. Теперь пойдет учиться какому-нибудь ремеслу. «Моя Улли»,— говорит Карл, и как много в этих словах нежности и любви!

Наши матери видели, как мы шли на войну, а спустя восемь лет, не произнося громких слов, встречали сыновей, возвратившихся из плена. А потом они, убеленные сединами, сидели среди публики в зале суда. После суда говорили обратившемуся к ним корреспонденту: «Мой сын всегда стоял за правду».

Жены, которым мы посвящаем наш рассказ, пишут нам письма, кусая кончик ручки. «Пусть тебе будет хорошо, а все заботы останутся со мной». Жены считают дни, ожидая нашего возвращения, любят, как только может любить женщина. И что еще важнее — верят в нас. Бывают у них и слезы, но ты не узнаешь об этом. Когда они приходят на свидание — «все в порядке», они улыбаются.

Согласно правилам, «заключенный имеет право на свидание первый раз после трех месяцев, а затем один раз в два месяца». Свидание — это пятнадцать минут. Полтора часа в год!

До этого не представляешь себе, какими беспощадными могут быть часы. Поэтому и время в тюрьме исчисляется по свиданиям. «У тебя еще шесть свиданий — целый год». «Жена, ты придешь еще два раза, и тогда...»

Герд волнуется каждый раз, как только слышится звяканье ключей. Но нет, еще рано. И наконец зовут! Он идет в помещение, расположенное слева у главного входа.

Комната в два раза больше камеры. Четыре стула: два — по одну сторону, два — по другую. У окна женщина разговаривает со своим мужем. Слева, под носом у чиновника, беседуют двое, энергично жестикулируя.

Но он едва ли замечает все это. Жена, смущенная присутствием посетителей и чиновника, не целует его, только пожимает руку.

«Как поживаешь?» — спрашивает он. В голове у него все путается. Ах да, ведь он хотел узнать кое о чем. Она помогает ему и шепчет: «Был обыск». Рассказывает про домашние дела. «Ты не должен беспокоиться,— говорит она.— Ты так бледен. Когда тебя выпустят, я должна буду снова поставить тебя на ноги и побаловать, да?»

Нужно было бы многое сказать как раз о том, о чем нельзя говорить. Время свидания очень коротко, и лучше не заводить об этом разговор. Все равно высказаться невозможно. Присоедини это к другим своим большим заботам, моя маленькая жена.

— Все ли в порядке? — спрашивает он.

— Конечно, а ты как думал? Товарищи и друзья просили передать тебе привет и соседи тоже!

Этот вечно взрослый ребенок! Пока он в тюрьме, она не станет беспокоить его своими заботами.

— Время истекло,— раздается голос чиновника.

— Можно мне...— Она вопросительно поднимает в руке десяток сигарет.

— Нет, нет! Это запрещено. Нельзя. Уберите!

— До свидания, воробей.— Герд смотрит на нее и смеется. Она целует его.

Затем дверь открывается, пропуская Герда. Снова два месяца ожидания. Теперь он начинает вспоминать, о чем он хотел спросить ее и забыл. Он держал ее руки в своих руках!

Он долго все еще думает о ней. Сейчас она идет домой. В этот раз было все же лучше. В первый раз она целый час простояла у ворот и проплакала, прежде чем ее впустили. А какой испуг был в глазах, когда ее заставили спрятать сигареты. Маленькая, любимая!

И тут приходит мысль о том, что надо учиться ненавидеть.

Мы принимаем решение

Один из нас кладет на стол комок бумаги, разворачивает его и разглаживает. Это газетный лист. Мы читаем: «Новая обстановка и новые задачи в Западной Германии. Коммунистическая партия Германии разъясняет рабочему классу и всем трудящимся Федеративной Республики свою точку зрения».

— Читай вслух!

Один из нас берет газету и начинает читать:

— «Они обостряют холодную войну против своих соотечественников».

Да мы только что говорили об этом. Это всем известно. А ну-ка, потише!

— «В Западной Германии,— слышим мы,— в борьбе против милитаризма и его носителей, против монополистов и крупных землевладельцев должен быть создан новый демократический строй».

— Все ясно! Эти люди всегда делали войну. Это все они же. А демократия — либо для народа, либо для этих поджигателей войны. Одно из двух!

— Здесь так и сказано: «новый демократический строй».

— Вы будете болтать или слушать, когда я читаю?

Мы работаем и слушаем.

— «Народ должен иметь решающее влияние в государственной и хозяйственной жизни. Рабочие должны занять место, которое принадлежит им по праву как самому сильному и самому прогрессивному классу...»

— Я тоже так думаю,— слышится чей-то голос.— Но тогда они должны будут выпустить нас отсюда.

— Болтаешь! Едва ли они это сделают по собственной инициативе.

— Проклятие! Читайте дальше! Дослушайте же до конца!

— «...рабочий класс, самая большая сила нашей нации, окажется на высоте своей исторической задачи, преодолев разрыв и разобщенность своих рядов; тогда рабочие социал-демократы и коммунисты, христианские демократы и беспартийные будут выступать за свои общие интересы совместно... Так говорим мы рабочим социал-демократам...»

— Да, да! — вырывается у нас.

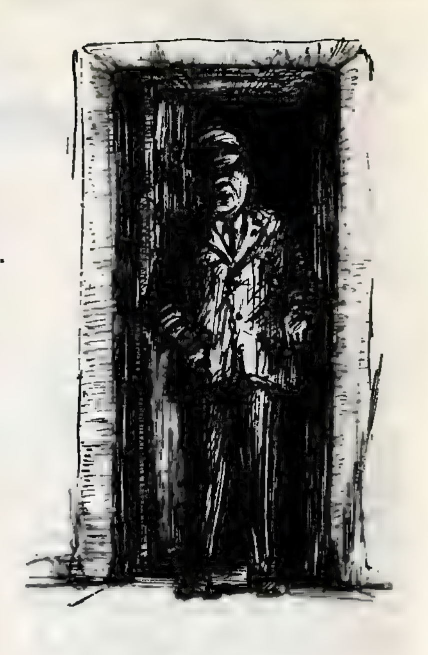
— «Таким образом Западная Германия будет выведена из убийственного круговорота кризиса и войны. Это путь к новой, лучшей Германии, к завтрашнему дню нашей родины».

И вот газетный лист свернут. Но кто-то его снова выхватывает. Да, да, шрифт газеты нашей партии. Ошибки быть не может...

«Интернационал»

Из подвального этажа тюрьмы часто раздается пение. Поют и на других этажах. Поют от нечего делать, для забавы, назло начальству. Репертуар: арии, романсы, популярные песенки и... нацистские марши. Как-то даже пропели гитлеровский гимн — «Песню Хорста Весселя». Она прозвучала столь же «невинно», как и романсы, во всяком случае для Сапога, представляющего в тюрьме око самого закона. Сапог — это старший надзиратель, он олицетворяет дисциплину, он всегда зол, всегда негодует на озлобление, которое сам же вызывает. Недаром Сапог все спрашивает Евгения, своего помощника из уголовных: «Почему меня так ненавидят арестанты?» На что Евгений в своей обычной манере, обнажая остатки зубов, рассудительно отвечает: «Тебя ведь и чиновники терпеть не могут».

Сапог снова принимает важный вид. Став у перил галереи, он смотрит по сторонам, вниз и вверх. И как раз в этот момент

снизу раздается пение. «Теперь-то я им задам! Подходящий случай».

Какую же песню поют заключенные? В вестибюле стоят дежурные уборщики из заключенных и радуются... Слова песни раздаются все громче и отчетливее: «И если гром великий грянет над сворой псов и палачей, для нас все так же солнце станет сиять огнем своих лучей»,— постепенно переходя в припев: «Это есть наш последний...» Да это мятеж! Это все коммунисты! Их «Интернационал». Он, Сапог, находится от поющих на расстоянии всего лишь трех лестничных площадок.

А внизу, рядом с мятежной камерой, стоит молодой, неопытный надзиратель. Как быть? Если не обращать внимания, это может броситься в глаза начальству. Запретить пение? Кто их знает, коммунистов, может быть, им это даже разрешено.

Надзиратель мчится к Сапогу, три лестничных марша вверх, а тот уже ждет его. Сапог бежит еще выше, на верхний этаж — к начальнику. Надо показать, что служебные обязанности выполняются. Но, боже мой, ведь свою исполнительность вынужден демонстрировать и старший начальник. Он вскакивает и мчится — на этот раз вниз.

— Господа,— хрипит он, едва растворив дверь камеры,— господа! Я просил бы вас... Как можно «Интернационал»?!!

Его лицо изображает негодование, Сапог должен это видеть.

А некий чин со звездочками позади него вставляет:

— В одиночку! В одиночку!

Камеру вновь запирают: лучше не связываться с коммунистами, руки обожжешь.

Мы продолжаем петь «Интернационал». Сапог после этого старается не попадаться нам на глаза. Время от времени мы видим только его черные лакированные сапоги.

Предшественники и преемники

Мы, четверо политических, представляем лишь одно «поколение» из тех, кого заключают сюда за их убеждения.

«Никто,— говорится в конституции Федеративной Республики Германии,— не может пользоваться преимуществами или терпеть ущерб в связи со своими полити-

ческими или религиозными взглядами». «Бумага все терпит»,— заявил один государственный деятель в Мюнхене (это было в 1950 году).

Несколько недель назад отсюда вышел Бернд, двадцати одного года. Давно уже следовало его выпустить. В последние недели он часто лежал в своей камере, тяжело дыша, с крупными каплями пота на лбу.

Потом выпустили Альфонса. Слишком поздно: уже здесь он начал харкать кровью. На воле у него обнаружили открытую форму туберкулеза.

Так делают не только здесь. В июле этого года один из врачей гамбургской тюрьмы на вопрос, почему заболевший политический заключенный не был переведен в больницу, ответил: «Такой уж срочности не было. Мы не любим, чтобы политические находились в больнице».

Итак, никто не может терпеть ущерб в связи со своими политическими взглядами.

Уже несколько недель в тюрьме сидят новички. Молодой рабочий, начинающий инженер, беспартийный, с романтическими представлениями о святости законов, и, наконец, горняк, которому уже седьмой десяток. Дома у него осталась больная, прикованная к постели жена.

Старого, изможденного горняка заставили вязать сети из тонкой нейлоновой нити. Но глаза его плохо видят, у него ничего не получается. «Заключенные обязаны работать»,— говорится в правилах внутреннего распорядка тюрьмы. Пусть клеит конверты! Но скрюченные, шершавые пальцы, с мозолями от отбойного молотка не справляются и с этим делом.

Мы требуем у администрации, чтобы старик работал вместе с нами. Администрация отклоняет наше требование.

Мы снабжаем больного старика едой, передаем сахар, сало, табак, держим в курсе последних событий. В камерах уголовники находятся вместе: по трое, даже по двенадцати человек, а в мастерских — и по тридцати. Мы же «опасные». Мы высказали свою ненависть к новой войне, столь гибельной для Германии, мы говорили это рабочим, которые станут первыми ее жертвами, а это считается опасным.

Да, они хотят овладеть нами поодиночке, держать нас по одному, заставить замолчать. Но это не удастся. Настало время сплотиться еще теснее, чтобы отразить усилившийся натиск.

Эй, там, на воле, говори громче!

Рождественская елка

Скоро сочельник. На стенах висят елочные ветви, украшенные красными игрушечными грибками, свечками и золотыми лентами. Большая бумажная звезда качается под лампой.

Елка стоит там, где сходятся оба крыла тюремного здания. Кажется, что в уборе незажженных свечей и нескольких стеклянных шаров ей холодно. А ведь она сама должна была бы дарить тепло. Бледный свет, проникающий сквозь чердачное окно в зал, и мертвенная скука коридоров наложили на нее свой отпечаток.

Мы думаем о наших семьях, о наших друзьях и товарищах. Нет, нас не забыли.

Жена Карла во время свидания с мужем передала нам привет от знакомых и от партии. На днях состоятся выборы в местные комитеты профсоюза горняков. «Тебя нам недостает»,— слышит Карл голос друзей из-за стен тюрьмы.

Семья Франца получила много посылок от незнакомых людей. Значит, наши семьи окружены заботой солидарных с нами простых людей. На шахтной вышке вывесили портрет Франца.

И вот до нас доходит письмо, начинающееся словом «товарищи».

— Давай сюда, читай вслух!

Герд с трудом разбирает:

— «Мы с вами, товарищи! Не беспокойтесь о своих семьях. Мы не забыли вас. Хорошо, если бы сейчас вы были вместе с нами здесь. Именно сегодня мы хотим вам сказать: мы выполняем заповедь мира, что пришла к нам с рождеством».

— Как это хорошо! — произносит Карл после некоторого молчания.

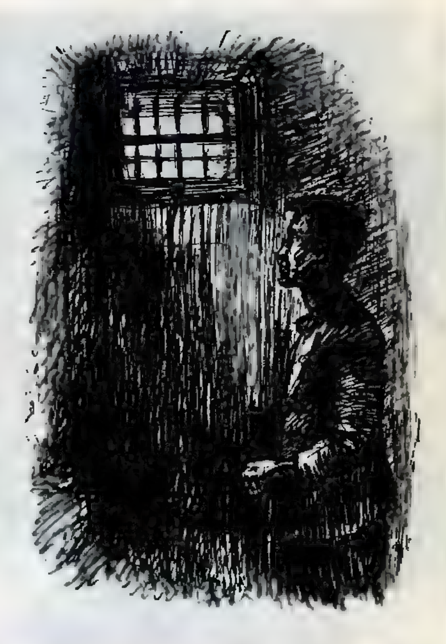
Мы, остальные, не говорим ни слова. Мы склонились над листочком и над чтецом. Нам нужно вглядеться в буквы и поразмыслить над смятым клочком бумаги. Там, на воле, люди говорят о мире. Они солидарны с нами.

* * *

Ты помнишь, читатель, что к словам заголовка мы прибавили знак вопроса: «Быть человеком воспрещается?»

И вот наш ответ: быть человеком — это значит быть борцом. Борцом не только за собственное счастье, но за счастье своего народа и за дело мира. Борцом за свою семью, своего сына, свою невесту, своих детей. Борцом против войны и ее подстрекателей. За мир! За объединение нашей родины, за ее освобождение от тех, кто жаждет войны и военных прибылей и потому ненавидит правду!

Быть человеком — это значит быть борцом за завтрашний день; с каждым днем становиться сильнее и быть частицей своего народа. Поэтому быть человеком никому и никогда нельзя запретить!

ЯРМАРКА ОРУЖИЯ В БОННСКОМ РЕЙХЕ

Западногерманский журнал «Дер штерн» опубликовал любопытный репортаж о состоявшихся в Федеративной Республике Германии испытаниях образцов оружия. Испытания, уверяет журнал, проходили под покровом глубокой тайны. Это не помешало, однако, корреспондентам «Дер штерн» описать некоторые перипетии секретных маневров и даже запечатлеть их на фотопленке.

Судя по описанию, это больше всего походило на ярмарку оружия. Торговцы — США, Англия, Франция, Бельгия (кстати, это далеко не полный перечень стран, поставляющих вооружение Западной Германии)— показывали товар лицом, в действии. Покупатели — боннские милитаристы — вели себя как опытные рыночные дельцы. Они выбирали «товар» с тонким профессионализмом мясника, пробующего на палец, хорошо ли отточен топор.

На испытаниях присутствовал собственной персоной боннский военный министр Франц Иозеф Штраус, тот самый, который выступил с наглой угрозой «стереть Советский Союз с географической карты». Под этим девизом проходила и вся «ярмарка». Технические эксперты, министерские чиновники, офицеры осматривали и ощупывали иноземное оружие с одной точки зрения: будет ли оно эффективным против русских?

На «ярмарке» выстроился длинный ряд танков: английский «Центурион», американские «М-47» и «М-48» и прочие. Господин Штраус лично уселся в башню и сфотографировался за пулеметом.

Как и на всякой ярмарочной толкучке, тут кипит ожесточенная конкуренция. «Центурион» состязается с американскими коллегами и, кажется, не выдерживает их объединенного напора... Впрочем, и на заокеанские модели боннские покупатели поглядывают критическим оком. Они дают понять, что их больше всего устроила бы «европейская модель», иначе говоря, собственный танк, с броней потолще, ценою подешевле.

— Американский? Почем? 1,2 миллиона марок за штуку? Эк, куда хватили!— словно слышится над грохочущим сталью базаром.

Заокеанские бизнесмены были бы не прочь подсунуть в базарной суматохе своим союзникам кое-какой залежалый товар — оружие устаревших образцов — таков классический принцип американской «помощи». Но, как видно из репортажа в журнале «Дер штерн», боннские милитаристы жмутся и вовсе не собираются так сразу и соглашаться.

Атомное и ракетное оружие пока что не было предметом торга на «ярмарке». Но «Дер штерн» не случайно воспроизводит на соседних страницах фотоснимки некоторых образцов американского ракетного и атомного оружия, которые доставлены уже на территорию Западной Германии. Если судить по резолюциям последней сессии НАТО, не за горами время, когда и этот «товар» поступит в продажу.

Известен эпизод из древнегреческой легенды о Кадме. Убив огнедышащего дракона, Кадм разбросал его ядовитые зубы по земле. Из них выросли полчища воинов, которые накинулись на самого Кадма. Не приведут ли к подобным результатам действия современных американских, французских, английских и иных торговцев оружием? Не обернутся ли французские пулеметы и бельгийские автоматы, попав в руки боннских реваншистов, против тех, кто торгует ими?

В. КУЗНЕЦОВ

Боннский военный министр Штраус совершает «пробную поездку» в английском «Центурионе».

На «ярмарке оружия» — автоматы самых разнообразных марок и образцов.

Бельгийский автомат отказал...

Фото из западногерманского журнала «Дер штерн».

О. КНОРРИНГ

Уже несколько дней молодежь города Щербакова была взволнована вестью о грандиозном бале-карнавале, посвященном Всемирному фестивалю молодежи. Во Дворце культуры машиностроительного завода и раньше проходили всевозможные вечера, но предстоящий бал по масштабам и оформлению должен был затмить все предыдущие.

Ходили слухи, что художники Дворца заперлись в мастерской и не выходят оттуда ни днем, ни ночью. Все что-то делают, а что, никому не показывают.

Конечно, наибольший интерес проявили девушки. Какое надеть платье? Какой придумать костюм? Где достать маску? Надо ли говорить, что местные парикмахеры валились с ног от сверхурочной работы...

И вот долгожданный вечер наступил. Огромное здание Дворца культуры ярко освещено. К подъезду подходят автобусы, подкатывают такси, спешит молодежь...

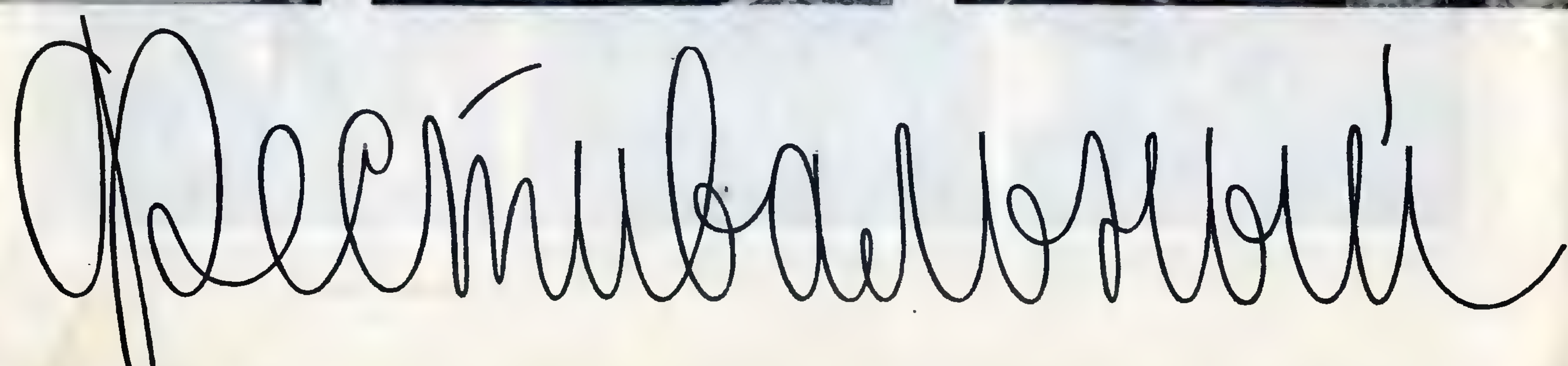
У киосков карнавального базара оживленно: гости спешат запастись масками и значками.

В комнате звукозаписи тесно от местных Утесовых, Райкиных, Козловских... Приятно услышать свой голос, только что записанный магнитофоном. По соседству — веселое фото.

Ожидания полностью оправдались. Устроители вечера постарались на славу. Залы Дворца украшены флагами различных государств, гирляндами фонариков и серпантина, цветными шарами. Не ударили в грязь лицом и художники — авторы шутливых панно.

Бал начался.

Никто никого не неволил. Хочешь смотреть выступление артистов — иди в зрительный зал. Хочешь поиграть в занимательные игры — пожалуйста. Хочешь посидеть в буфете — все к твоим услугам... включительно до лимонада, но на большее не рассчитывай!..

Оркестр играл, не умолкая. В верхнем фойе проходили конкурсы на лучшее исполнение песен и танцев.

А под конец состоялся парад масок и присуждение призов.

Просторны залы Дворца, но и они не смогли вместить даже малой доли желающих попасть на вечер.

Ну, что же поделаешь! Будем надеяться, что молодые щербаковцы еще не раз покажут, что они умеют не только хорошо трудиться, но и весело отдыхать.

Время есть: фестиваль еще впереди.

Самый большой успех имела контролер машиностроительного завода Эля Пухова в платье из листьев капусты. Надо сказать, что сохранить костюм до конца вечера было делом нелегким: каждый старался попробовать «на вкус», действительно ли это настоящая капуста. Эля получила за костюм первую премию.

Что? Товарищу плохо? Немедленно «Скорую помощь»! Температура? Пульс? Диагноз — дурное настроение. Лечение — три тура вальса. Радикальное средство!

С цыганкою испанец благородный...

Карнавал

ХОЗЯЙКА МЕДВЕЖЬЕЙ РЕЧКИ

Рассказ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Море волновалось, и только на пятый день пароход «Гоголь» стал на якорь близ Медвежьерецкого комбината. Кое-как высадили на берег пассажиров.

Светлана оседлала низкорослую мохнатую лошаденку и повернула в тундру. Ехать ей предстояло километров двадцать. Снег почти сошел, и время для путешествия было самое неблагоприятное. Собачьи упряжки уже не ходили, а пешком рисковать не стоило. В тундре даже лошади, каких Светлана знала на материке, сдавали: после первых же километров они ложились на мох. А мохнатая лошадка, выносливая и флегматичная жительница тундры, потихоньку, чап да чап, могла дойти по мшистым кочкам и болотам до предгорий.

Когда Светлана уезжала с отчетом в Петропавловск, здесь все вокруг покрывал плотный искрящийся снег. Солнце только-только начинало припекать. А нынче привольно раскинулись под бледным небом ярко-зеленые, с рыжими подпалинами заросли кедрача-стланика. Кое-где он выгорел и тянул к солнцу коротколапые, скрюченные и жалкие ветви.

Лошадка неутомимо шагала по корявым стеблям ягоды шикши, по лаковым, жестким листочкам брусничника, похрапывая, обходила глубокие провалы, наполненные водой.

С увалов, откуда начиналась пойменная низина Медвежьей речки, из рощ раскорячистой каменной березы уже была видна маленькая, обложенная дерном избушка Светланы. Поодаль возвышался бугор с подслеповатым оконцем — землянка, в которой жил рабочий наблюдательного пункта.

Девушка улыбнулась и заторопила коня. Кто-то на комбинате сказал ей, что из этой глуши Петропавловск представляется по меньшей мере Парижем. Светлана уехала из «Парижа» без сожаления. Здесь, на Медвежьей, были ее дом, работа, ее жизнь... Здесь она была хозяйкой.

Хозяйкой ли?.. В Петропавловске Светлана узнала, что на пункт, которым она до сих пор руководила, назначен заведующий. Отныне Светлана будет только младшим научным сотрудником.

Перед отъездом девушка еще раз зашла в отделение Института рыбного хозяйства. В лаборатории воспроизводства рыбных запасов она встретилась со старой подругой Изольдой Лезвицкой. Они не были особенно близки, но еще полгода назад вместе изучали возраст рыбы по чешуе. Впрочем, Изольда и сейчас, как она выражалась, «сидела на чешуе». А Светлане чешуя надоела. Тянуло к живому делу. Она ушла на тундровую речку Медвежью, где наскоро был сколочен наблюдательный пункт в виде довольно-таки хилой и невзрачной избушки.

Слушая подругу, Изольда курила, блаженно затягиваясь дымом тонкой папироски. Длинными, сухими пальцами она сгибала и разгибала цветастую обложку журнала.

— Так, так... Выходит, ты разминулась с новым завом? Жаль! Он уже три дня, как уехал на Медвежью.— Ее зеленые прищуренные глаза казались мудрыми и всезнающими, как у змия-искусителя. Медленно и торжественно она продолжала: — Я читаю в твоем лице, что никуда тебе от этого зава не уйти. В лице твоем обреченность. Ну что ж! Он видный парень. Есть в нем что-то этакое... знаешь! И к тому же он не развращен высоким интеллектом. Малый без претензий.

Дальше Изольда сообщила, что новый зав до службы в армии работал в системе Института рыбного хозяйства, его знают как хорошего практика, но теоретически он слабоват. Недавно демобилизовался.

Светлана пожала плечами. Что ж... Трудновато, конечно, работать за двоих. Но, как видно, придется!

На пункте, кроме нее, жил старик-рабочий с вдовой дочерью Настей и внучкой. В институте Светлану называли ласково «хозяйка Медвежьей речки». Это ей льстило. Да, да! Девушка в далекой тундре, среди хищных зверей и разных опасностей, выполняла свои пусть не такие уж героические, но важные обязанности. В этом было нечто романтическое.

Ей говорили комплименты, и ей завидовали.

Но, разумеется, никто не видел ее слез в долгие зимние вечера, когда многодневная пурга заносила избушку снегом по самую крышу; никто не знал о ее неудачах и бедах. А «лососячие» отчеты, как их в шутку называли в институте, она присылала своевременно.

Теперь приехал заведующий. С ним придется делить все: и радости и несчастья. С ним придется делить какую-никакую славу, романтику и, очевидно, сердитые внушения институтского начальства тоже.

Да и что за слава, если их будет на пункте уже двое, тем более, один мужчина!

Нет, самочувствие у Светланы было неважное.

Спешившись, она мельком посмотрела на высокого смуглого парня, починявшего в избушке двери.

«Ага! Занялся хозяйством! — отметила девушка.— Хочет показать свою практичность. Что ж... Двери-то в самом деле висят на одной петле».

Заведующий прислонил к ступенькам топор и пошел ей навстречу. Светлана сухо поджала губы.

— Здравствуйте! — весело сказал заведующий.— А я уже заждался вас. Вы ведь Павлищева?

Глаза у него были узковаты, нос тонкий и тонкие, подвижные губы. Смешно топорщились рыжеватые усики.

— Здравствуйте,— ответила она без энтузиазма и пожала заведующему руку.— Да, я Павлищева. А вы Потапенко? Ну вот, будем работать... Будем работать.

Девушка пошла к избушке. Потапенко шагал за ней. И Светлана с особенной остротой поняла, что не только работать, но и жить-то придется им вместе: больше ведь негде...

Светлана повесила на гвоздь заячий треух, швырнула на кровать куртку и вышла в сени. В приоткрытую дверь видела, как устало потирает Потапенко высокий лоб.

Она разыскала в сенях графин с голубичной, на спирту, настойкой, сполоснула стаканы.

— Выпьете?

— Выпью.— У Потапенко живо блеснули и потеплели глаза.— За хорошее знакомство как не выпить?

Они выпили и закусили вяленой чавычей.

Встав из-за стола, Светлана оглянулась, покусала губы.

— Спать вы будете... наверное, на полу?

— У меня есть раскладушка. Притащил с собой,— сообщил Потапенко хмуро.

— Вот и ладно,— облегченно вздохнула Светлана.— А то на полу холодновато. Дует!

Она сразу уловила, как погрубел голос этого парня: должно быть, разговор о «бытоустройстве» она завела не вовремя, некстати.

— Подержите вот здесь,— сказала она сердито,— сейчас прибьем простынку! Ага, вот так, спасибо... Дайте молоток!

Простынка разделила тесную избушку, загроможденную книгами, приборами, провизией и посудой, на две крохотные кельи.

Когда стемнело, Потапенко внес металлическую раскладушку, обтянутую зеленой парусиной, бросил на нее матрац, взбил подушку.

— Меня зовут Андреем,— подумав, сказал он в сторону простынки.

— Вот и отлично.— Девушка на кровати зевнула.— А меня Светланой. Спокойной ночи!

Утром заведующий пунктом и младший научный сотрудник пошли вверх по реке («В обход владений»,— сказала Светлана). Солнце пригревало совсем по-майски, и только ветер хлестал с моря жгучий, холодный. Широченная пойма реки, окаймленная увалами, поросшими березняком и кедрачом, украшенная ослепительными снежными террасами, упиралась вдали в резко очерченные синеватые, как рафинад, камчатские горы. Они казались такими близкими и плоскими, что походили на театральные декорации. Где-то там, с замшелых и неприступных скал, двумя потоками срывалась вниз вода, образуя Медвежью речку. Размывая пористый грунт тундры и вбирая в себя ее хрустальные ключи и черные болотные воды, Медвежья с каждым километром набиралась сил, злости, неслась стремительно и дико.

Невдалеке от пункта, на берегу одной из многочисленных «иконок» — притоков Медвежьей,— были привязаны ездовые собаки. Они встретили людей визгливым и оглушительным лаем. Как и везде на Камчатке, собаки были разнокалиберны, разношерстны и разноголосы.

Около каждой из собак, вдоль всей общей цепи, возвышалось нечто похожее на выбитую дождем паклю, перемешанную с рыбьими костями. Когда-то, видимо, это была рыба.

От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный...
В. Маяковский.

«Огонек».

— Народ
разорвал
оковы царьи.
Россия в буре,
Россия в грозе...

А из-за Николаевского
чугунного моста,
как смерть,
глядит
неласковая
Аврорьих
башен
сталь.

Год 1917-й

К 40-летию Велнкой Октябрьской социалистической революции советские живописцы, скульпторы, графикн готовят новые произведения, стремясь отразить в художественных образах борьбу трудящнхся за Советскую власть, вдохновенный труд и быт советскнх людей.

Художник Николай Долгоруков закончил новую серию: плакаты-иллюстрации к поэмам В. В. Маяковского. О незабываемых событиях года 1917-го рассказывает это собрание графических листов.

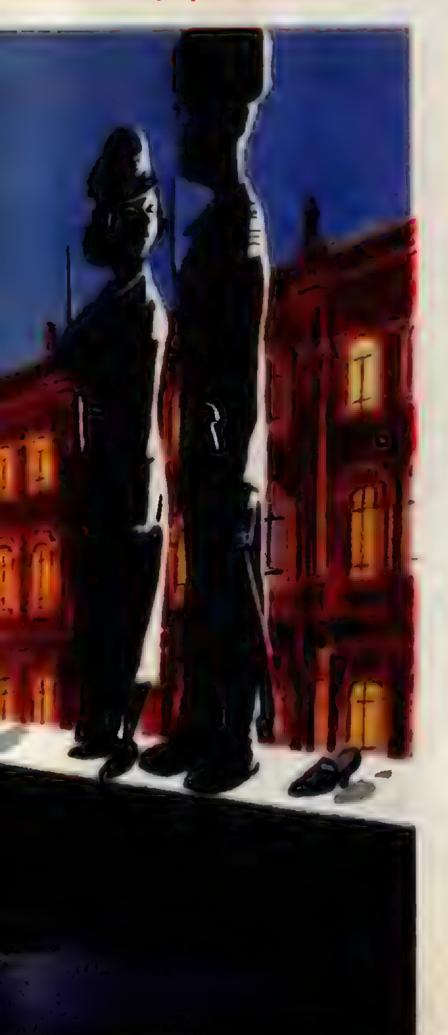
Особый, неповторнмый строй поэтической речи Владимира Маяковского требует и своеобразной кисти для того, чтобы слилось в одно целое творчество поэта и творчество художника. Гротесковая, острая манера рисунка Николая Долгорукова оказалась как нельзя более подходящей для иллюстрирования в плакатах поэм Маяковского «Владимир Ильич Ленин» н «Хорошо!».

Эти живописные плакаты в соединении с текстом Маяковского приобретают большую изобразительную силу. Радуешься успеху художника, ощущаешь его любовь к поэту.

От Моора и Дени — отцов классической советской гротесковой графики и карикатуры — многое вос-

И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.

«Кончайте войну!
Довольно!
Будет!
В этом
голодном году —
невмоготу.

Врали:
«народа —
свобода,
вперед,
эпоха,
заря...» —
и зря...»

принял и приумножил Долгоруков, создав при этом свою собственную манеру письма, обретя собственный голос. И голос этот в тех работах, какие призваны иллюстрировать поэмы Маяковского, звучит особенио сильно, мужественно. Это— творчество зрелого, большого мастера.

От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.

И иа фоне Смольного могучая рука пролетария с винтовкой, готовой опуститься на голову врага:

«Кончайте войну!
Довольно!
Будет!
В этом
голодиом году —
невмоготу...»

В решительном повороте плеч солдата, в прорваиной поступью солдатских масс колючей проволоке зримо ощущаешь силу революции, которую ие остаиовить, ие укротить, не повернуть вспять.

Хорош лист, посвящениый защитникам Зимиего: юнкерам, офицерам, «ударницам» бочкаревского женского батальона. Это не только иллюстрация к тексту:

И
редели
защитники Зимнего,
как зубья
у гребешка.

Плакат восприиимаешь как острый, запомииающийся символ обречеииости буржуазно-капиталистического строя: народ сметет его защитников, оии «живые трупы», история уже занесла иад иими свой меч.

Плакаты Николая Долгорукова ярки, разящи, целеустремленны и вместе с тем правдивы и историчны. Впаяиные в текст Маяковского, они как бы составляют иеотъемлемую его часть, дополняя и развивая мысль поэта.

Н. КРУЖКОВ

...а утром:
— Всем!
Всем!
Всем это —
фронтам,
кровью пьяным,
рабам
всякого рода,
в рабство
богатым отданным.—

40 лет назад

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

27 февраля (12 марта) 1917 года совершилась вторая русская буржуазно-демократическая революция, свергнувшая царское самодержавие в России, явившаяся важнейшим историческим этапом на пути к социалистической революции.

С первых дней 1917 года по призыву и под руководством большевиков проходили стачки, митинги и демонстрации в Петрограде, Москве, Баку, Нижнем Новгороде и других городах. 18 февраля в Петрограде забастовал Путиловский завод, а к 25 февраля весь рабочий Питер был охвачен политической забастовкой под лозунгами «Долой царя!», «Долой войну!», «Хлеба!». Бюро ЦК партии большевиков в Петрограде выпустило Манифест с призывом к свержению царизма. 27 февраля царизм был свергнут.

Руководимая В. И. Лениным большевистская партия развернула борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за диктатуру пролетариата и в октябре 1917 года привела народ к свержению власти капиталистов и помещиков, к победе Великой Октябрьской социалистической революции.

События тех дней запечатлены на фотографиях и кинопленке. Эти документальные материалы сосредоточены в Центральном государственном архиве кино-фоно-фотодокументов СССР.

«Огонек» публикует несколько фотографий, находящихся в архиве, снятых в первые дни Февральской революции в Петрограде и Москве.

В. ЗЕМСКОВ, Ю. ХОДЖАЕВ

Смотр революционных войск на Красной площади 4 марта 1917 года.

Петроград, февраль 1917 года. Очередь за хлебом.

Сожжение царских гербов в Петрограде.

Салон-вагон поезда Николая II, где им было подписано отречение.

Москва, Театральный проезд. Раздача газет в первые дни Февральской революции.

— Что-то они не лакомятся, а? — пытливо взглянул на Светлану Потапенко.

— Не голодны, надо думать,— отвернулась Светлана и с наигранным безразличием притопнула носком резинового сапога.

— Д-да, не голодны! — покачал головою Андрей.— Собаки тощи и злы, как одичавшие кошки. Вы заготавливали юколу?

— Ну, я! А какое это имеет значение?

— Вы не обижайтесь, Светлана,— уже мягче продолжал заведующий.— Вам можно простить; сколько вы в тундре, полгода, год?..— Светлана хмурилась и не отвечала. Помолчал и Потапенко.— Просто вы не сумели выбрать грунта для кислых ям. Выкопали, где вздумалось, и к весне вместо юколы у вас получилась тухлая каша. Всем этим штукам сразу не научишься.

— Я действительно не знала, где копать ямы для юколы,— прошептала девушка, и голос у нее задрожал.— Мне тут еще многое незнакомо. А наш рабочий, он сезонник, с запада, тоже мало в чем разбирается, хотя и старик.

«Кажется, он не так прост, как я думала,— размышляла Светлана, шагая по узкой тропинке между купинами мха.— А что, если бы он узнал, как я потравила зимой собак?..»

Светлану даже в жар бросило от этого воспоминания. Собираясь съездить на комбинат, она перед дорогой накормила нескольких собак соленой рыбой. В дороге собаки пали. Светлана еле добралась до пункта. Только недавно она рассказала местным рыбакам о своей беде, и они посмеялись над ее неопытностью.

Многое надо в тундре знать и многое предвидеть. В этом лишний раз убедилась Светлана, когда Потапенко, пройдя с километр вверх по «иконке», вдруг спрыгнул на лед и тревожно всмотрелся в пологие берега.

— Уровень воды низкий. Боюсь, что «иконка» промерзла до дна,— задумчиво сказал он.

— Н-ну, я не думаю,— растерянно ответила девушка. Ей и в голову не приходило обращать внимание на уровень воды и делать отсюда какие-то выводы.

— А я думаю! — резковато бросил Андрей.— Вы посмотрите: Медвежья-то в общем прошла, но у пункта еще стоит. Значит, здесь, в низовьях, лед особенно толстый и крепкий.

— Но если Медвежья промерзла, так ведь промерзли и гнезда! Ведь большая часть стада горбуши нерестовала в низовьях реки!

Андрей усмехнулся и похлопал прутиком по голенищу.

— Река не промерзла, не волнуйтесь. А «иконки», пожалуй. Пострадали, надо полагать, и гнезда. Мы это проверим вскрытием, когда не будет льда.

Девушка потупилась и на обратном пути не произнесла ни слова. С одной стороны, она как собственную потерю переживала предполагаемую гибель гнезд в «иконках», а с другой — досадовала на себя за то, что не могла предположить этого сама. Конечно, Потапенко теперь пошлет в институт донесение, сообщит свое мнение и так далее. А что ж она, научный сотрудник пункта?.. При сем присутствовала и только?

Лед прошел, и наступили ночи интенсивного ската мальков в море. В ночные часы их не так преследовали и поедали хищники. О, тут Светлана кое-что могла бы рассказать! В конечном счете ее в институте не учили, чем кормить собак, и ее неведение вполне извинительно. Но зато она могла часами говорить хотя бы о мальках чавычи, которые, едва всосется у них желточный пузырь, отправляются в далекое и опасное путешествие, проплывая хвостом вперед двадцать километров в сутки. И только месяцев через пять они появляются у реки Сакраменто.

А, впрочем, может, обо всем этом осведомлен и Андрей, откуда Светлане знать?

В ночь первого облова Потапенко нерешительно предложил девушке:

— Мне когда-то приходилось делать обловы, еще до службы в армии. Я думаю, вам не стоит утруждать себя, спите спокойно. Я сам наловлю вам мальков.

— Нет! — резко, с придыханием вымолвила Светлана.— Мне стоит утруждать себя, это мой хлеб. Кроме того, вы перепутаете банки с формалином!

— Ну, как знаете. Поплывем вместе. Пойду приготовлю лодку.

Исабунку, японскую плоскодонную лодку с тупо обрубленной кормой, бешено сносила вода. Андрей греб злыми, короткими рывками. Наконец на самой быстрине лодку нанесло на трос, протянутый поперек реки.

— Хватайтесь! — крикнул Андрей.

Светлана сама знала, что ей делать. Она захлестнула вокруг троса причальную веревку, исабунка остановилась. Лодку знобило и трясло. Рядом с исабункой Андрей привязал к тросу металлическую сетку-ловушку и бросил ее в воду.

Было еще не очень темно. Отсвет тускло пламенеющего заката упал на реку, окрасив ее багрянцем. Она текла настолько неудержимо, что казалось, постепенно втягивает в свой водоворот купы ветел, красноватый прибрежный тальник, избушку, обложенную дерном.

В ловушке оказалось несколько мальков. Светлана торопливо рассовала их по банкам с формалином. Андрей меланхолически жужжал фонариком, присвечивая ей, и пыхал папироской. Время от времени красноватый огонек вырывал из темноты рыжеватые взъерошенные усики и губы, безжалостно мнущие бумажный мундштук.

Может, Андрей хотел что-то сказать ей? О чем-то спросить? Просто поговорить?

Как бы там ни было, Светлана относилась неприязненно и к этим его рыжим колючкам над губой, и к сердито терзающему папироску рту, и к самому присутствию заведующего. Разумеется, им не о чем говорить и не о чем друг друга спрашивать.

Внезапно что-то случилось. Исабунка медленно заскользила по течению, и Светлана еще не поняла, что лодка сорвалась с привязи. Но ловушка, привязанная крепче, зацепилась за днище исабунки и удерживала ее.

— Ложитесь!

Девушка не понимала, почему ей надо ложиться, и хотела ответить Андрею что-то дерзкое. Подумаешь, командует! Будто она первый день на Медвежьей!..

Но в эту минуту над ее головой пролетела, будто выпущенная из пращи, тяжелая ловушка, и лодку понесло вниз.

Андрей молча выгребал к берегу.

Да, если бы сорвавшаяся ловушка пролетела ниже, кому-нибудь не сдобровать!.. А уж лодка перевернулась бы наверняка.

Чего он молчит? Ну, поругал бы за то, что слабо привязала лодку! Ведь ее же вина!

Исабунка ткнулась носом в гальку.

— Сходите,— сказал Андрей.— Сходите, я вам посвечу. Где тут мой фонарик?..

— Но ведь облов не кончен!

— Не волнуйтесь. Я управлюсь сам.

Светлана возмутилась.

— Как вы смеете? Это моя непосредственная обязанность!

— Очень хорошо! Но я отвечаю за вашу жизнь. А вы не так уж послушны. В этой речке перевернуться вдвоем — значит одному утонуть.

Светлана презрительно вздернула плечико.

— Я недурно плаваю, товарищ заведующий.

— Вот в этом как раз я не уверен! Спокойной ночи!

И тотчас ни исабунки, ни Андрея не стало видно.

Девушка пошла в гору, к избушке.

Что ж! Пусть померзнет там один. Невелика радость сидеть в лодке с каким-то бирюком и молчать, молчать!..

Около землянки старика, в которой чуть теплился огонек свечи, тетка Настя истошно кричала на тонконогую, щупленькую девочку:

— Положь тряпку, а то всею испорю!

— Зачем вы на нее кричите? — укоризненно сказала Светлана.

— Ох, Светлана Петровна! Сил моих нет! Чистая, вы подумайте, проказа растет, не приведи господь! — запричитала вдова.

Девушка покачала головой и прошла мимо. На душе было скверно. Будто ее, как непутевую девчонку, тоже вот сейчас взяли да выпороли...

Утром она проснулась и увидела на столе батарею баночек. В каждой лежали мальки лососей.

Ну и отлично!

Она пошла к Медвежьей, умылась, зачерпнула из родника ведро студеной воды, разожгла печку...

Андрей тоже встал, будто не было бессонной ночи, и мурлыкал песенку.

Светлане стыдно было за ночное бездействие, за свой безмятежный сон. Смутная грусть заполнила душу. Не признаваясь себе в этом, да и не докапываясь до причин нежданной грусти, она старалась держаться бодро. Отодвинула простынку и удивленно взметнула стрельчатые красивые бровки.

— О-о!.. У вас прорезался тенор?

— Нет,— смутился Андрей,— не тенор. Видно, я простудился, вот и стал голос сиплый, вибрирующий...

— А-а!.. Только-то? — усмехнулась девушка.— Ну, это не беда. Я вам разыщу одно снадобье от кашля или от простуды.

Она порылась в аптечке и вынесла красную коробочку с кальцексом.

— Нате. Обязательно поправитесь! Знаете, ваш баритон как-то солидней, да и для слуха приятней...

Она лукаво покосилась на заведующего и вышла.

Вечерами Андрей раскрывал толстенный том Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и углублялся в чтение. Изредка Светлана с ним заговаривала — по делу и без дела. Иногда он говорил что-то вслух, не то обращаясь к ней, не то отвечая на свои же мысли.

Однажды Андрей сказал:

— Петропавловский губернатор заказывал семгу к столу только из Медвежьей речки.

— Это вы у Крашенинникова вычитали? — наивно спросила Светлана.

— Ну, нет! — усмехнулся он.— Это более современные сведения.

— А почему именно из Медвежьей?

— Почему?.. Да потому, что семга сохранилась на Камчатке только в нескольких реках, и особенно она хороша именно в Медвежьей.

Выбрав как-то время, когда Андрей ушел с рабочим кормить собак, девушка тоже заглянула в «Описание земли Камчатки». Разумеется, такую книгу следовало изучить толково и обстоятельно. Светлана это понимала, но до сих пор как-то не собралась.

Одна из страниц была заложена клочком ватманской бумаги. И — боже мой! — на ватмане Светлана увидела карандашный набросок девичьей головки, до странности напоминавшей ее собственную. Вот только нос... Носом, длинным и острым, как у Буратино, Светланина голова прободала огромное сердце в виде червонного туза, на котором было начертано: «Сгорел ты, Андрей, как швед под Полтавой».

Не составляло большого труда расшифровать этот ребус. Что-то в душе девушки дрогнуло и замерло, но тут же она вспылила. Какое, собственно, имеет он право рисовать глупые свои аллегории!

Красная от досады и возбуждения и еще какого-то непонятного ей самой чувства, Светлана приписала под «сердцем» красным карандашом — так, будто резолюцию наложила: «Этот номер у вас не пройдет, дорогой товарищ!».

И сердито захлопнула книгу.

«А что, собственно, произошло?» — рассудила она позже, поглядывая в настенное зеркальце.

Из зеркальца на девушку смотрело смущенное лицо с этаким греческим не греческим, но уж и не с длинным, как у Буратино, носом... И глаза на том лице были хорошие, немножко растерянные и тревожные.

Нехотя она раскрыла злополучную книгу и нехотя, но тщательно стерла резинкой свою «резолюцию».

И все же операция эта не прошла для Андрея незамеченной. Он повертел в руках клочок ватмана и, нащупывая, как слепой, спинку стула, испуганно спросил:

— Видели?

— Да.

— Ну и?..

— Ничего. Похоже. У вас талант!

Тяжело и неуклюже ступая, он подошел к ней вплотную и взял за плечи. Взял так крепко, что Светлане стало трудно дышать.

— Вы можете говорить серьезно, Светлана? Я же не мальчик!

На телогрейке у него не хватало пуговицы. «Мог бы пришить. Не такая уж важность — пуговица!» — отметила про себя девушка. Глаз она не поднимала и лица парня не видела. Не хотела видеть.

Нетерпеливо двинув плечами, высвободившись из его рук, Светлана ушла за простынку.

— Знаете, что я вам скажу, Андрей, — угрюмо проговорила она оттуда. — Вы сбрейте усы. Они вам не идут. Рыжие какие-то и... и торчат!

У Андрея подергался уголок рта и глаза потемнели. Но он промолчал.

Вот так и продолжали они по вечерам заниматься каждый своим делом. Будто ничего не произошло. Будто все оставалось по-старому.

Светлана отвечала на письма, читала что придется или же писала отчеты, подклеивала к ним сгущенным молоком диаграммы и схемы. Она нет-нет, да и посматривала на Андрея — в последнее время он увлекся тонкой технической работой: пристраивал к двадцатилинейной лампе термоэлектрогенератор. В недалеком будущем Андрей обещал любые радиопередачи: из Москвы, Пекина, Пхеньяна или Хабаровска! Занимая половину стола, красовался недавно купленный им на комбинате приемник «Родина».

Светлана опасалась за двадцатилинейное стекло: другого-то ведь не достанешь! В радиопередачи от самой обыкновенной лампы, хоть и через посредство термоэлектрогенератора, она не очень-то верила.

Но музыка загремела. Музыка требовала керосина. Его доставали, где только могли; сами, разумеется, сидели при свечах. Ночи наполнились шорохом, треском и всевозможными звуковыми феериями.

Светлана подолгу ворочалась на постели. Она тревожно воспринимала присутствие Андрея в такой маленькой и тесной для двоих избушке, сработанной из бочковой клепки. Да, да! Избушка была сооружена из дощечек. Ее обложили толстым слоем земли, неугомонные крысы прорыли в земле и клепке ходы, стенки оказались пустотелыми, сквозь них продувало. Слышались писк и возня крыс. Нет, в избушке было неуютно и, главное, страшно тесно для двоих.

Иногда ей казалось, что эта теснота, эта близость не могут не толкнуть Андрея к ней... и однажды ночью он придет... И она, разумеется, ударит его, оттолкнет, скажет самые жестокие слова, на какие только способна...

Но Андрей не приходил! В конце концов это даже раздражало Светлану («Как будто он не мужчина!»), хотя она и сознавала, что крепко его обидела.

Нет, она была вздорной девчонкой и вряд ли сама толком смогла бы объяснить, чего ждала и чего хотела...

Днем у нее бывало больше свободного времени (обловы проходили ночью), и Светлана бродила по тундре. Честно говоря, ей не хотелось оставаться наедине с Андреем.

А тундра лежала еще скучная, однообразная, но вот-вот она должна была вызвать к жизни, к цветению такие силы, такую красоту... А пока только, может, Светлане она открывала свои незаметные, тихие прелести: девушка умела их видеть и восхищаться ими. Она ложилась на снеговые тающие обрывы и заглядывалась в чистые затоки Медвежьей, на беловатом дне которых отражались робкие, трепетные тени листочка, упавшего на воду, легкой ряби, беспокойных утиных крыл... Она переходила журчащие ручьи, наполненные розовато-коричневой, игристой, как вино, водой, перепрыгивала через омуты, любовалась на отмелях пестрой россыпью камешков, среди которых попадались кусочки пемзы из вулканов, янтари и агаты...

Она падала на колючие ветви кедрача, и нежилась на солнце, и пела песенки без начала, конца и смысла...

Была Светлана в весеннем угаре, и все вокруг казалось ей солнечным и голубоватым, даже когда небо заволакивало тучами и с многочисленных болотец тянулись зыбкие космы тумана.

Невзначай она заглянула в заброшенную землянку. Ее построили в верховьях «иконки» рыбаки, промышлявшие зимой навагу. После их ухода — это Светлана превосходно помнила — в землянке царил хаос. В беспорядке были разбросаны дрова, на столе валялись куски заплесневелого хлеба, а в углу навалом лежали пустые консервные банки. Тоскливо выгибая спину, по дребезжавшим банкам вышагивал рыжий кот Мурашка, оставленный крысам на растерзание.

Светлана землянки не узнала. Чьи-то заботливые руки сложили дрова в углу, где раньше громоздились банки. К алюминиевым поломанным ложкам были привязаны суровыми нитками деревянные, чисто оструганные черенки. Здесь же, на столе, в тарелке горочкой возвышалась соль, лежали спички.

И хотя прибрать в землянке могли прохожие охотники, Светлана почему-то подумала, что здесь побывал Андрей. Ну да! По-прежнему в землянке вышагивал кот Мурашка и, время от времени подходя к обглоданному гольцу, сыто над ним мурлыкал. Гольца мог принести только Андрей.

Светлана вышла, наломала на берегу ивовых прутьев и, возвратившись, принялась подметать углы, хотя вряд ли в этом была необходимость.

Хозяйка! Ну какая же она хозяйка? Что она сделала на пункте заметного, достойного похвалы? Отчитывалась перед институтом, что Медвежья речка на месте и она при ней, при речке, в целости и сохранности? Вот так достижение!

В пылу самобичевания Светлана наговаривала на себя. Свои обязанности, может, только по неопытности она выполняла не настолько хорошо, как это бы следовало. Но пощады себе девушка не давала. Почему же Андрей все может и ему до всего есть дело, даже никудышную землянку он не забыл?.. А она?

Но вот на пункте началось строительство. О, это была героическая эпопея! Предстояло перегородить сумасшедшее течение Медвежьей решетчатыми щитами, укрепить их на дне мешками с гравием, а сверху — специальными «козлами». В щитах оставлялось «окно» для подсчета: через него должна была пройти на нерест рыба.

Андрей со стариком-рабочим копошился по грудь в холодной воде, и случалось, что Светлана тоже прыгала с исабунки — помочь им закрепить щит... Ей приятно было сознавать, что теперь Андрей не прогонит ее на берег, как когда-то ночью: просто он не управится без нее!

А потом в реку пошел лосось. Нетерпеливая сима, отливая красно-черными боками, сбивалась, норовила пройти в щели между щитами. Иной раз, потрепыхав икряным телом, поелозив, содрав с боков праздничную раскраску, она все-таки проскальзывала сквозь заграждение. Проходила чавыча и красная рыба нерка, вся алая, как кумач.

Светлана вела неустанное наблюдение за «окном», торопливо подсчитывала среднюю численность косяков, присматривалась к уверткам рыбы и почти не уходила с реки.

Как-то, уже в июле, к ней на заграждение по «козлам», торчавшим из воды, пробрался Андрей.

Через «окно» густо плыла горбуша. Мелькали настолько уродливые рыбы, что на них неприятно было смотреть. В хищно изогнутом рыле торчали крючковатые длинные зубы, а на спине возвышался безобразный горб.

— Самцы горбуши в брачном наряде. Вот страшилища, да? — прошептала Светлана, глядя в «окно».

— Ага! Вид противный! — согласился Андрей. — На Камчатке таких рыб называют «лошалыми». Любопытно все-таки, что за причина такого резкого изменения и тела и окраски? Видите, она вся коричнево-серая, тусклая? Подумать только, что рыба может так измениться за каких-то двадцать дней!

— Как вам сказать, — равнодушно промолвила девушка, в душе радуясь возможности что-то наконец объяснить Андрею, блеснуть своими познаниями. — Чернавин, например, считает, что брачный наряд у лососей — явление атавизма...

Андрей кивнул.

— Ну, полагают еще, что элементы брачного наряда служат у самцов орудием устрашения соперников. А Баррет-Гамильтон, — все более воодушевлялась Светлана, — рассматривает временное уродство лососей как явление патологическое. Это... мм... как бы вам объяснить...

— Я знаю, — коротко уронил Андрей.

Девушка на секунду приоткрыла рот и затем густо, безудержно, до корней волос по-

краснела. Она долго не отводила взгляда от «окна» и наконец, справившись с собой, спокойно договорила:

— Что касается меня, то я, пожалуй, согласна с Баррет-Гамильтоном...

У девушки заболела голова: может быть, она засмотрелась на медленное, томительное кружение воды.

— Я что-то устала, Андрей,— проговорила она виновато.— Вы посидите за меня часок, а?.. Я скоро приду.

На «козлах» не так-то просто было размяться. Оступившись, девушка инстинктивно приникла к широкой груди Андрея. От его телогрейки пахло рыбой и конским потом. И опять не доставало на ней пуговицы.

«Я ему пришью эту пуговицу, будь она неладна!» — рассердилась Светлана то ли на самое себя, то ли на Андрея и ступила на шаткую крестовину соседних «козел»..

В избушке девушка с чувством смутной радости увидела на своем столике флакон не ахти каких духов, привезенных Андреем (вероятно, только что он был на комбинате). Но назывались они знаменательно: «Светлана».

Прошло всего несколько месяцев, и этот парень занял слишком большое место в ее жизни. Она знавала многих юношей в институте, со многими была на «ты», с кем-то даже нечаянно поцеловалась... и осталась ко всем равнодушной. А, наверное, среди них были умные, толковые парни. Может, она не сумела никого выбрать потому, что выбор оказался слишком велик? Но когда перед тобой всегда — и утром, и днем, и вечером — один человек... Когда перед тобой постоянно его глаза, его руки, вся его жизнь, куда от этого уйти? Куда уйти, если, на беду или на счастье, и руки не такие уж плохие и не такие уж бесцветные глаза?..

Наверное, дай себе Светлана волю, она сказала бы больше. Но девушка не давала себе воли.

Неужели права Изольда? Светлана улыбнулась, вспомнив ее слова: «Я читаю в твоем лице, что никуда тебе от этого зава не уйти».

Ну и что же?

Изольда, кстати, прислала телеграмму, что намерена приехать на пункт.

«Пусть проветрит мозги,— вздохнула Светлана.— Пусть займется наблюдениями над рунным ходом кеты».

В душе она далеко не обрадовалась возможности свидеться с Лезвицкой. И не верила, что та в самом деле займется наблюдениями. Нет, в тундру пришло лето, созревали ягоды. Только и всего.

Да, тундра расцвела, превратилась в сплошной ковер лилово-голубых ирисов, желтых лилий, герани... На взгорках, у березовых рощ, кипела и опадала фиолетово-розовой пеной жимолость. Горы в дугообразной выемке поймы стали как будто ближе, рельефней.

Бурно разросся шеломайник — древовидное травянистое растение. Он тянулся вверх не по дням, а по часам, достигая трех с лишним метров. Светлана как-то прислонила к стебельку шеломайника мерку. За сутки он вымахал на семнадцать сантиметров.

В зарослях шеломайника опасно стало ходить. Там, как в джунглях, бродили медведи. Косолапые, правда, появились в пойме еще в июне, когда растаял последний снег. Они сошли с гор тощие и бродили по берегам реки, разгребая песок в поисках «снёнки» — отнерестовавшей и погибшей осенью рыбы.

Светлана фотографировала их следы и рассылала снимки «для устрашения» всем знакомым.

На пункте стало оживленнее. Мимо по утрам проходили женщины с комбината — в тундру за ягодами.

— Куда вы? — говорила им Светлана.— Там же полчища медведей!

— О Светлана Петровна,— смеялись женщины,— мы идем, ведрами гремим!

Конечно, косолапые, по слухам, были порядочные трусы, но когда Светлана столкнулась с медведем лоб в лоб, она похолодела.

Это случилось на берегу речки.

Потихоньку отступая на бугорок, она смотрела в глаза медведя просительно и жалко.

Может, так бы и расстались они полюбовно, да на беду в ноги Светлане шаловливо бросился медвежонок, которого она раньше не заметила. Медведь оказался медведицей с детенышем. Глухо урча и мотая головой, она пошла к Светлане. Девушка в ужасе повернулась и уже готова была закричать диким, истерическим криком, но медвежонок виновато повернул к матери.

Светлана бежала, не чуя под собой ног. Наконец она робко оглянулась и, не увидев сзади медведицы, пошла спокойнее.

По странной женской логике она во всем происшедшем и особенно в том, что могло произойти, винила Андрея.

«Сидит себе там! — думала она смятенно и горько.— Сидит и в свой рыжий ус не дует. А ведь мог же он быть поблизости! Когда не надо, он всегда бывает поблизости».

В избушку Светлана зашла, еще ощущая дрожь в коленках. Устало поправила перед зеркалом спутанные пряди волос, смахнула рукавом со лба обильный пот...

Да, Андрей сидел в своей «келье» и чистил ружье.

«Нашел время!» — усмехнулась Светлана и, присев на табурет, глядя куда-то поверх головы Андрея, очень тихо и будто бы даже безразлично спросила:

— Вы меня любите... хоть немножко?

Андрей с минуту оторопело смотрел ей в лицо и в раздумье подпер щеки руками.

— Не пойму я вас, Светлана. Был ведь уже разговор об этом! Помните?.. Вы посоветовали мне тогда сбрить усы.— Покосившись на окно, он тоскливо добавил:— Зачем вы так шутите?

Светлана тоже покосилась на окно.

— А я вас... а я вас люблю,— сказала она покорно.— Уж вот как вы себе хотите

Слова, сказанные Светланой, настолько не вязались со всем его представлением о ней как о девушке своенравной и неприступной, настолько буднично, неприметно они были произнесены, что парень совершенно растерялся. Он не знал, как себя вести.

Тогда Светлана некстати, сбивчиво и волнуясь, рассказала Андрею о встрече с медведицей.

Андрей выслушал рассказ, взял ружье и ушел в тундру. Вернулся он поздно, повесил ружье на гвоздь. Угрюмо потирая руки, сообщил:

— Я ее убил, медведицу...

— И зря вы ее убили.

— Ну, убил — и точка!

— Зря... У нее медвежонок.

— Ничего. Не пропадет медвежонок.

На этом разговор оборвался.

Андрей стал немногословным, молчаливым, хотя и прежде он не отличался говорливостью.

Через несколько дней он приволок из тундры выделанную шкуру медведицы и постлал ее около Светланиной кровати. Коричневая, с желтоватым подшерстком шкура эта раскинула лапы преданно и смиренно.

Светлана прошлась босыми ногами по мягкому, теплому меху, со скукой посмотрела на дощатые побеленные стены, на низкий потолок... Вот скоро начнется строительство нового дома-лаборатории. Будет даже своя электростанция.

Светлана с внезапно возникшим чувством облегчения и внутренней свободы сдернула с гвоздей простынку. В избушке стало светло.

На берегу Медвежьей Андрей напомнил:

— Сегодня приходит пароход. Лезвицкая...

— Ах, да! — отозвалась, помрачнев, Светлана.— Что ж... Я поеду, встречу ее.

Сейчас, как никогда, Лезвицкая была посторонним и чужим на пункте человеком.

Светлана разыскала Изольду на комбинате, бледную и немощную после морской болезни. Зеленые глаза ее потухли, потускнели. Изольда еле взобралась на лошадь и сидела на ней неуклюже, мешковато.

— Ну как? — полюбопытствовала Светлана.— У вас все чешуя?

— Все чешуя. А ты?.. Надеюсь, ты еще не живешь с этим... как его?..

— Нет, почему же...

Изольда покачнулась в седле и торопливо потерла висок.

— Так и живешь? — переспросила она недоверчиво.

— Так и живу.

Светлана не жила с Андреем в том смысле, как это понимала Лезвицкая. Но гостье она отвечала сердито, упрямо и определенно.

— Впрочем,— приосанилась Лезвицкая,— я тебе тогда еще говорила. Хотя я не думала...

— Да, ты говорила.

В тундре, на свежем воздухе, Лезвицкая немножко отошла и настроилась на философский лад. Можно было ожидать словоизлияний. Но она только глубокомысленно отметила:

— Вот и нет отныне хозяйки Медвежьей речки. Отступилась ты от всего. Сдала свои рубежи.

Что она понимала, Изольда? Только сейчас Светлана по-настоящему почувствовала себя хозяйкой этой речки. Только сейчас достигла каких-то рубежей. У нее окрепли руки, грубее стал голос и продуманнее слова.

Светлана ничего не ответила. Она ехала в раздумье, заплетая в косички мохнатую гриву лошади...

Из записных книжек

Маргарита АЛИГЕР

УТРЕННИЕ СТИХИ

Заводит первая пичуга,
летит высоко чистый звук.
И горизонт натянут туго.
И берег выгнулся, как лук.

И этот лук звенит и светит.
Даль перед ним
светлым-светла.
Как будто прямо в солнце
метит
его незримая стрела.

Она поет, она в полете.
Ее ничем не удержать.
И новый день зовет к работе,
как будто новая тетрадь.

1948

ГРИБЫ

Лес расписан скупой позолотой,
весела и бесстрашна душа,
увлеченная странной заботой,
существующая не спеша.

Синева меж березами брезжит,
и тропинка бежит далеко...
Набирай хоть ведро сыроежек!
Не хочу, это слишком легко.

Лучше пусть ошибусь я
с отвычки,
прошлогодний завидя листок.
Лучше пусть я приму за лисички
золотого цветка лепесток.

Не боюсь я такой незадачи.
Он все ближе, решительный час.
Никакие уловки не спрячут
от моих безошибочных глаз
тех чудесных, заветных,
желанных,
тех единственных, лучших, моих...

В немудреных и милых обманах
превращений чудесных лесных
я хмелею от счастья, как будто
над мучительно трудной строкой...

И тогда наступает минута,
тишиной оглушает такой,
будто нет ни обид, ни сомнений,
все загадки земли решены...
И тогда, преклонивши колени
на пороге лесной тишины,
ощутив, как щемяще и ново,
как доверчиво хочется жить,
белый гриб, как желанное слово,
задыхаясь от счастья, отрыть!

1946

ДОЖДЬ

Нас было двое: я и сон.
Но вдруг возник меж нами
третий.
Пыталась я понять, кто он,
но незнакомец не ответил.
И, очевидно, потому
я наконец глаза открыла.

Шел дождь в Крыму,
шел дождь в Крыму,
огромный, громкий,
светлокрылый.

Он шел давно,
он шел всерьез,
он шелестел тепло и сыро
в сплетенье виноградных лоз
и в сучьях черного инжира.

Он вырвался издалека,
из горных зарослей тумана.
Он мыл рассаду табака —
дюбека и американа.

Шел дождь в Крыму,
шел дождь в Крыму,
шуршал по осыпям и склонам;
и не было конца ему,
и не было цены ему,
его наплывам освеженным.

Шел дождь в Крыму.
Как много лет
ждала его земля сухая!

В тот день замешкался рассвет,
дождю дорогу уступая.

Но предрассветный соловей,
гоня блаженную дремоту,
включился песнею своей
в его великую работу.

Земля!
На празднике твоем,
благие возвещая вести,
над Крымом соловей с дождем
что было сил гремели вместе!

1948

КОКТЕБЕЛЬ

Горьких гор дыхание ночное...
Солнечных восходов колыбель...
Море примиренное, ручное...
Утренняя песня — Коктебель!

Зеркало в изломанной оправе —
свет залива в полукружье гор.
Под ногой поскрипывает гравий.
На душе свобода и простор.

Никаких сомнений нет в помине!
Никакое горе не беда!
Жарко пахнут пыльные полыни,
душная, седая лебеда.

Старая громада Карадага,
легкий, словно тень, Хамелеон.
Молодая, вечная отвага!
Золото и синь со всех сторон.

Тополей торжественные свечи
светятся и гнутся на ветру.
Кто расскажет счастье человечье,
вдохновенье сердца поутру!

Музыка особенного лада.
Перекрестных ветров карусель.
Синяя щемящая отрада.
Звонкий слиток счастья —
Коктебель!

1948

ФЕВРАЛЬ

Чем ближе мы к живой природе,
тем чаще знать она дает,
что жизнь не попусту уходит,
а просто движется вперед.
Путь не проторен, не измерен,
но он всегда ведет к весне.
Будь беззаветно жизни верен,
шагай повсюду в ногу с ней,
и ты поймешь: чем ветры пуще,
чем больше снега на дворе,
тем ближе мы к весне грядущей,
к ее цветам, к ее заре...
И не восходы, а закаты
безветренных февральских дней
приметами весны богаты —
они ведь на день ближе к ней!

1954

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

АПРЕЛЬ

Весна на Северном Кавказе,
в права вступая не спеша,
была в той робкой, ранней фазе,
когда она нехороша,
не прибрана, не приодета,
вся в сборах, хлопотах, возне,
в размывах воздуха и света...
Но я поверила весне.
Всем сердцем.
И она за это
в знак благодарного привета
вдохнула силы в душу мне.

1954

РАЗЪЕЗД КАСАТКИН

Разъезд Касаткин в чистом поле,
чуть запорошенном снежком.
Встал на посту, по доброй воле,
обходчик с поднятым флажком.

Как он попал на этот малый
разъезд, затерянный в глуши!
О том ли смолоду мечтал он
живыми силами души!

Доволен ли своим уделом,
когда с утра, из года в год,
знакомым занимаясь делом,
он отправляется в обход,
исполнен пристальной тревоги,
готовый выверять душой
одной большой моей дороги
один отрезок небольшой.

Курьерский поезд провожая,
он призадумается чуть...
Лети отважно, жизнь чужая!
Обходчик твой проверил путь.

Чего он ждет! Чего он хочет!
О чем он думает сейчас!
И понимает ли обходчик,
как много связывает нас!

Что, повстречавшись беглым
взглядом,
не медля, но и не спеша,
с моей судьбою встапа рядом
его судьба, его душа.

1954

Интервью «Огонька»

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

И. САПОЖНИКОВ,
начальник управления материально-технического снабжения Главмосстроя

Встреча в поезде

Людям моей профессии почему-то не повезло в литературе: в повестях и рассказах, очерках и фельетонах их чаще всего изображают пройдохами, плутами, которые не брезгают никакими средствами на пути к заветному кровельному железу.

Что же, в жизни и такие бывают! Но не только такие! Человек, которого у нас принято называть снабженцем, призван заниматься материальным снабжением завода, фабрики, стройки и достоин не меньшего уважения, нежели любой другой производственник.

Вспоминается одна дорожная встреча. Моими спутниками оказались директор и председатель завкома крупного завода. Они возвращались домой из Москвы и были необычайно возбуждены. Да и не без основания: завод получил переходящее Красное знамя Министерства и ВЦСПС. Довольно шумно обсуждали они, как распределить солидную сумму денег — премию, полученную вместе со знаменем. Называли фамилии начальников цехов, работников заводоуправления. И вдруг вопрос:

— А работников отдела снабжения не собираетесь премировать?

Это спросил я. Выражение лиц соседей свидетельствовало, что вопрос ошарашил их.

— Позвольте, при чем тут снабженцы? — запротестовал представитель профсоюза.— Да мне мои завкомовцы горло перегрызут, заикнись я об этом. Снабженцам — премию! Да вы, батенька мой, случаем, сами не снабженцем ли будете? Так сказать, в защиту любимой профессии...

— Да, в защиту,— заявил я. И тут же задал несколько вопросов, на которые получил не очень уверенные ответы. Но из них следовало, что вообще-то директор доволен заводским отделом материально-технического снабжения, который не раз выручал цехи. Но в принципе, как говорил председатель завкома, снабженец есть снабженец. Мне не очень был понятен этот принцип, и у нас возник спор, в ходе которого я высказал свою точку зрения на труд людей моей профессии. Этой точкой зрения и хотелось бы поделиться с читателями.

История с «козырьком»

Государственный комитет по делам строительства совместно с министерствами проверил загрузку рабочего дня свыше 250 тысяч строительных рабочих. И что же оказалось? В среднем рабочий в течение дня целый час простаивает из-за перебоев в снабжении материалами. Случается и так: цемент есть на складе, но нет его у рабочего места. Следовательно, трудовой ритм на стройке во многом зависит и от нас.

Когда я говорю «от нас», я имею в виду не «толкачей», не агентов, умасливающих поставщика отпустить лес, ущемив другого заказчика. Речь идет о технически и экономически грамотных, разбирающихся в своем производстве, отлично знающих свое хозяйство работниках снабжения.

...Кто был на новом стадионе в Лужниках, тот представляет, что это за махина — конструкция металлического «козырька», нависшего над задними рядами трибун. Вот что было с этим «козырьком».

Приближались сроки окончания строительства стадиона, а за «козырек» еще и не брались: не было металла. Да и проектировщики задержали. На совещании в Московском городском комитете партии кто-то из строителей категорически сказал по этому поводу:

— Теперь остался только один путь: просить министра черной металлургии вне плана отпустить тысячу тонн металла.

Почти все склонялись к такому варианту. Тем более неожиданно прозвучало заявление представителя управления материально-технического снабжения о том, что не следует обременять металлургов, занятых плановыми поставками металла, такого рода просьбами.

В МГК партии поддержали эту точку зрения, но тут же спросили:

— А что вы предлагаете? Сроки-то поджимают...

— К завтрашнему дню постараемся внести свои предложения.

С утра вместе с группой инженеров-строителей стадиона мы отправились в Зарядье, на площадку, где раньше предполагалось сооружать высотное здание. Большое количество металлоконструкций лежало здесь мертвым капиталом. Проведенное на лету техническое совещание подтвердило: мертвый капитал можно оживить. Зарядье даст 850 тонн из 1 тысячи. 150 тонн были изысканы из наших фондов. Так быстро была решена проблема металла для «козырька» стадиона в Лужниках.

500 или 400!

— Я со строительства «Мосфильма»...

Посетитель был крайне возбужден. Положив на стол лист бумаги, он скороговоркой выпалил:

— Это проект письма в правительство. Надо, чтобы начальник Главмосстроя немедленно подписал его... Подписать и срочно отправить... Иначе катастрофа... Стройка ТЭЦ осталась без сварных труб. Нужно добиться указания правительства о выделении 500 тонн.

500 тонн! «Мосфильм» — стройка большая, но и цифра не маленькая.

— Как же это вы такого слона не приметили, когда заявки составляли?

Молчание. Потупленные очи. Но все ясно без слов: забыли, понадеялись на тех, кого зовут снабженцами: эти, мол, ловкачи вырвут где-нибудь трубы.

— Я должен вас огорчить. Письмо не будет подписано.

— Позвольте... Срывается строительство!

— Срыва допускать, конечно, нельзя. Но вот в чем дело. Вы просите трубы самых что ни на есть дефицитных размеров — 500 миллиметров. Такие для газопровода идут, их на особом учете держат.

Представитель «Мосфильма» только развел руками.

— Но какой же выход?

— Да мы еще и не искали выхода. Вы уверены, что вам требуются трубы именно такого большого сечения? Проектировщики утверждают? А может, это с солидным запасом? Давайте посоветуемся со специалистами. Трубы меньшего диаметра мы сможем дать вам быстро.

Оказалось, что практически стройку вполне могли устроить трубы сечением в 400 миллиметров.

Мы без задержки обеспечили «Мосфильм» трубами, не прибегая к помощи правительства. Одновременно были сэкономлены деньги: метр труб диаметром 500 миллиметров стоит 192 рубля 85 копеек, а 400—114 рублей 60 копеек.

О прямом и косом выпуске

Такие коррективы нам приходится вносить довольно часто. И тут наша деятельность порой смыкается с трудом технологов. Здесь-то и обнаруживается, достаточно ли технически и экономически подготовлены люди, отвечающие за материальное снабжение строек.

...В Москве, на Красноказарменной улице, строится дом для Института связи. Как-то приходит к нам представитель института и горько жалуется:

— Помогите! Строим дом, а железобетона нет. Давно сидим в прорыве. Никакого просвета...

Сообщение заказчика встревожило нас. Как же так: на нехватку железобетона жалоб как будто не поступало, а тут давно сидят

в прорыве и просвета не видят? Поинтересовались, о каком железобетоне идет речь. Выясняется: дом строят по проекту 1950 года. Проект этот базируется на конструкции, которые заводы железобетонных изделий давным-давно перестали выпускать.

И вот по нашему предложению строители вносят в проект коррективы: подбираются те конструкции, которые заводы сейчас выпускают. Ширина плит, скажем, теперь будет не 0,8 метра, а 1,2. Суть дела от этого не меняется, но зато работа пошла веселее. Кладут уже 3-й этаж, и до конца стройки железобетон подготовлен.

В этой связи хочется сказать несколько слов проектировщикам. Почему они не склонны прислушиваться к голосу тех, кто должен подкрепить их проект материальной базой? Дело не только в излишествах, которые партия решительно осудила. Дело в безобидных, на первый взгляд, выкрутасах, которые никак и ничем не объяснишь.

Бывает в унитазе косой или прямой выпуск. Косые изготовляются кустарным способом и потому имеются в ограниченном количестве, а прямые — серийно, их приобрести значительно легче. Между тем сдача некоторых домов лимитируется поразительным упорством проектировщиков: подай им, согласно проекту, унитаз с косым выпуском, на прямой они не согласны!

Для котельных в новых московских домах 13 заводов, разбросанных по всей стране, поставляют насосы более 30 типов. К чему такой разнобой? Легко можно всю номенклатуру свести к 4—5 типам, резко сократив количество заводов-поставщиков. Повысится и производительность труда рабочих, монтирующих эти насосы в котельных.

А двери или окна! Самому придирчивому жильцу безразлично, какого типа и размера будет дверь в... санитарный узел. Между тем по прихоти проектировщиков мы должны поставлять только для санитарных узлов двери двадцати различных типов и размеров. Кстати, на стройках жилых домов Москвы имеется 333 типа и размера дверных блоков и 194 типа и размера окон. Сколько лишней древесины тратят из-за этого, сколько трудностей испытывают поставщики! А что касается наших мук, то это и в расчет никто не берет.

Нам более по душе другие муки — муки подлинного творчества, когда изыскиваешь и находишь пути экономии средств, сокращения потерь, замены одних, дефицитных материалов другими, широкодоступными. Тому, кто привык видеть в работниках отдела снабжения только «доставал» и «толкачей», покажется, конечно, странным, что вот сидят эти люди и составляют темы для научно-исследовательского института. А у нас свой большой счет к науке. И в конце прошлого года он был предъявлен. Мы просим, например, изыскать заменители шлака при засыпке междуэтажных и чердачных перекрытий, изучить, нельзя ли использовать древесно-пористую плиту. У нас есть на этот счет дальний прицел: в Москву поступает все больше и больше газа, котельные установки, базирующиеся на уголь, сокращаются, и шлака уже не будет вдоволь. Мы спрашиваем у ученых, нельзя ли для укладки кабеля изготовить пустотный пресс-бетон, тогда не потребуются дефицитные асбоцементные трубы.

Таких предложений и запросов много. И если все они будут осуществлены, то в нынешнем, 1957 году только по Главмосстрою удастся сберечь 26 миллионов рублей, а на эти деньги можно построить около 20 тысяч квадратных метров жилой площади. Среди слагаемых такой солидной суммы — миллионы рублей, которые легко сэкономить, если завести верный порядок там, где хранят строительные материалы, где перевозят их с места на место.

Когда сооружается жилой дом, то 65—70 процентов всех затрат составляет стоимость материалов и деталей. Ежедневно Главмосстрой получает около 2 тысяч вагонов цемента, металла, кирпича, камня, сухой штукатурки, сборных железобетонных изделий... За счет экономии только одного процента всех этих материалов можно дополнительно возвести в столице пять пятиэтажных домов.

Вооружившись такой цифрой, проследуем на наши строительные площадки. Заглянем во двор дома № 30, сооружаемого во Владыкине. Вот подошла машина с гипсолитовыми перегородочными плитами.

— Начнем, что ли,— сзывает своих друзей бригадир Коробихин.— Раз — два, взяли!

И «взяли», да так, что десятки деталей побили.

Если пройдешь чуть подальше, то увидишь, как лежат под открытым небом штабеля сухой штукатурки и много листов уже испорчено.

...Красноармейская улица, дом № 44/46. Бросается в глаза яркий плакат, призывающий строителей беречь народное добро. Большими, четкими буквами выписаны цены килограмма гвоздей, квадратного метра стекла, одного шлакоблока. А рядом с плакатом лежат никем не оберегаемые ящики со стеклом. Кто-то уже успел побить листов тридцать — груда осколков тут же, по соседству с конторкой начальника участка тов. Караева.

Конечно, у нас много и весьма радивых хозяев, памятующих, что копейка рубль бережет. Проведенный на наших стройках в конце минувшего года общественный смотр складирования, хранения и использования материалов во многом помог искоренить безхозяйственность и расточительство. Скромные люди, такие, скажем, как Мария Оськина, ведающая материальным складом на строительстве дома № 65/69 по Бутырской улице, показали, что их трудом вершатся поистине большие дела. И если за год строители дома сэкономили до 450 тысяч рублей, то это и благодаря М. Оськиной, заботливыми руками которой наведен порядок на складе.

Мелочи? Да. Но в них-то и заключены огромные возможности экономии средств, возможности,

В Юго-западном районе столицы.
Фото Д. Бальтерманца.

которые пока еще не стали действительностью. Они-то, эти так называемые «мелочи», заставляют нас серьезно задуматься над культурой работы склада, базы. Как они должны выглядеть? Как механизировать там труд людей? Правильно ли, что за такими материалами, как стекло, гвозди, агент стройки едет на базу треста? А почему база сама не может доставить их? Много таких вопросов, до которых мы еще никак не доберемся, хотя они играют не последнюю роль в нашем производстве.

Ухабы планирования

Как часто слышишь жалобу:

— У нас снабжением приходится заниматься всем — от начальника строительства до бригадира. И на это уходит большая часть времени.

Верно, так бывает. А так не должно быть, и так не будет, если самым решительным образом перестроится система планирования, как этого требует декабрьский Пленум ЦК КПСС.

Годами сложилась практика, которая, к сожалению, изживается все еще со скрипом: производственная программа не подкрепляется необходимыми ресурсами сырья и материалов. План материально-технического снабжения существует сам по себе, а планы финансирования строительно-монтажных работ — сами по себе. Отсюда и многие беды.

Ненаучен сам метод подсчета материалов, требуемых для выполнения плана строительства. Есть постановление Совета Ми-

нистров СССР от 24 августа 1955 года: потребность материалов на жилищное строительство измерять из расчета на тысячу квадратных метров. Но практически измеряют по-старому, чисто арифметически: из расчета «на один миллион рублей годовой программы». Трудно представить более нелепый, оторванный от реальности критерий!

Создается большой разрыв между количеством материалов, фактически требующихся для строительства тысячи квадратных метров жилья, и тем, который умозрительно подсчитывается, исходя из норм «на миллион рублей». К тому же при такой системе строители не очень-то заинтересованы в снижении стоимости: чем выше эта стоимость, тем больше дадут материалов. Вот как дело оборачивается!

...Было так: в августе—сентябре начиналось паломничество представителей различных ведомств в Госэкономкомиссию. Утверждали годовые планы, в том числе и планы материально-технического снабжения.

Седьмой этаж. Длинный ряд комнат. В одной из них — отдел распределения строительных и лесных материалов. Здесь внимательно рассматривают нашу заявку и решительно заявляют:

— Нет уж, в этом году мы вам столько леса не дадим. Надо двигаться вперед, товарищи, железобетон шире внедрять, индустриализировать строительство...

Что же, согласны, давайте двигаться вперед. Частично заменим лес цементом и переключимся на железобетон. С благим этим намерением иду в соседнюю комнату, где утверждают планы снабжения цементом.

Тут тоже очень внимательно изучают нашу заявку и тоже очень решительно заявляют:

— Столько цемента мы вам дать не можем. Сократим заявку. И не просите и не возражайте. Уважаем москвичей, сами москвичи, но сделать ничего не можем.

Что же, мы и с этим согласились: баланс есть баланс. Но как быть: только что нам срезали заявку на лес, пообещав: «Получите цемент, переходите на железобетон». А теперь не дают этого цемента и предлагают... Впрочем, ничего не предлагают, а стыдливо молчат, понимая, что положение создалось неловкое.

— Вы не волнуйтесь,— успокаивают меня.— Мы сообщим куда следует цифру, на которую сократили вам план поставки цемента, получите соответствующее количество леса.

С тревогой за будущее покидаю этот отдел и возвращаюсь туда, где предлагали «двигаться вперед, внедрять железобетон». Тут полны сочувствия, но...

— Помочь вам ничем не можем. Лес, учитывая внедрение железобетона, запланирован для вас в ограниченном количестве.

Потребовалось немало усилий, чтобы в конце концов получить требуемое количество леса и цемента.

Так было в конце минувшего года, но так не должно быть.

Не должно быть и многого другого. Не нужно, например, делить шкуру неубитого медведя.

— Вы получите сортовое железо,— заверяют нас,— со стана «250» Криворожского металлургического завода.

Мы несколько удивлены: какая

точность в определении поставщика: стан «250»!

— Стан, правда, еще не вступил в строй,— объясняют в министерстве.— Но вы не беспокойтесь. Все спланировано, предусмотрено.

Однако беспокоиться пришлось. Стан вступил в эксплуатацию с опозданием на 6—7 месяцев. В порядке ликвидации прорыва мы вынуждены были прибегнуть к другим, более дорогим профилям железа.

Та же история произошла и с кровельным железом, которое мы должны были получить с магнитогорского прокатного стана.

Почему так планируют? Трудно ответить на такой вопрос, так же, как трудно объяснить, почему мы возим цемент из-под Львова, когда имеются цементные заводы под Москвой; почему нужно гнать автомашины из Москвы в Гомель за стеклом, когда есть железная дорога. Но, оказывается, на железной дороге существует странная инструкция: вагоны не дают заказчику — только поставщику. А поставщик не очень волнуется: прогрессивку начинают платить за перевыполнение плана независимо от того, забрали стекло со склада или нет. К тому же материал дефицитный, и директор уверен: сами вывезут! И действительно: сами на машинах вывезли. Даже тару из Москвы пришлось доставлять: что поделаешь с безответственным поставщиком? Между тем этот так называемый «самовывоз», намного удорожающий строительство, принимает характер бедствия.

Таковы ухабы планирования, и, чтобы одолеть их, много-много людей тратят лишнее время и энергию.

На этом я мог бы закончить изложение своей точки зрения на деятельность работников снабжения. Хочется лишь добавить, что недавно в Москве, в Госэкономкомиссии, я встретился с одним из своих соседей по купе — директором завода, получившего переходящее знамя. Он сообщил мне:

— А работников отдела снабжения мы все же премировали...

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Позиция человека и гражданина

Все чаще, глубже, пристальнее всматриваются прогрессивные писатели всего мира в большую и сложную проблему гражданственности — проблему, которая становится сейчас, быть может, одной из самых серьезных проблем общественной жизни.

В произведениях, созданных в последнее время писателями стран народной демократии, имеются различные, этические и эстетические, решения этой проблемы — решения каждый раз творчески самостоятельные, своеобразные. Особенно интересно сопоставить книгу «Граждане» польского писателя Казимежа Брандыса и опубликованный на страницах журнала «Иностранная литература» роман «Гражданин Брих» чешского литератора Яна Отченашека.

Очень несхоже, по-разному написаны эти вещи, если судить о них с точки зрения языка, стиля, той подчас неуловимой гармонии, которую всегда ощущаешь в произведении, начиная от отдельной фразы, кончая общим звучанием романа. В обрисовке картин жизни современной Чехословакии Ян Отченашек более отчетлив, резок, иной раз даже несколько угловат. Казимежу Брандысу, воссоздающему картины нынешней Польши, свойственно мягкое, тонкое проникновение в материал. Там, где Отченашек, словно не удержавшись, прямо говорит то, о чем он думает, что составляет сокровенный смысл его книги, там, где он заставляет своих героев произносить публицистические монологи, Брандыс в подавляющем большинстве случаев незаметно подсказывает читателю нужные выводы, подводя к ним логикой событий.

И в то же время оба писателя— это видно даже из названий романов — всматриваются в самое существенное для строительства нового общества — в человека, обличая в нем зло, упорно отыскивая в его душе те источники света и добра, которые только и могут превратить тихого, безличного обывателя в гражданина, борца.

Казалось бы, бесконечно далека от этих задач жизни «домашняя философия» профессора Ежи Моравецкого — человека скромного, тихого, невозмутимого,— одного из главных героев романа Брандыса «Граждане». Житейски не приспособленный, с головой ушедший в свои книги, он ничего не замечает вокруг себя, и лишь неизлечимая болезнь жены Кристины заставляет профессора задуматься над тем, что он не только сам отошел от бурно несущегося потока жизни, но и любимой жене все время мешал занять место в строю... «Если бы не он, Кристина, быть может, примирилась бы с жизнью или выбрала борьбу. А он ее только удерживал от того и другого... Ему всегда казалось, что еще успеется: он попросту увиливал от ответственности...» — говорится в романе Брандыса.

Точно так же бессознательно жаждет покоя и «увиливает от ответственности» другой интеллигент — Франтишек Брих из романа Яна Отченашека. Брих старается закрыть глаза на то, что «нынешнее время само хватает за фалды и без церемоний спрашивает: маленький человек, какова твоя позиция?»

Позиция!.. Самое слово это, напомнившее о войне, сердит, раздражает Бриха... Многое в нынешней Чехословакии по сердцу Бриху — маленькому человеку, сыну пролетария, заработавшему тяжким трудом свой диплом юриста, докторское звание. Но со многим он не согласен. Однако напрасно пытается разжечь злобу в сердце Бриха оголтелый враг республики Ондра Раж. Брих невозмутимо отвечает на все выпады Ондры: «Постараюсь сохранить разум, сердце и чистые руки».

Но, стоя «вне позиции», уклонившись от борьбы за правое дело, нельзя человеку сохранить чистыми свой разум и сердце, ибо, как говорит коммунист Бартош, «социализм не только для рабочих и для членов компартии, он для всех». И тот, кто пытается обывательским путем охранить от политики свою внутреннюю свободу, тот неизменно оказывается беззащитным против врагов свободы и демократии.

Наблюдая за метаниями Бриха, бухгалтер-коммунист Бартош отнюдь не равнодушно записывает в своем дневнике: «...этот человек мне симпатичен. Я ему верю. Как же быть? Как помочь ему, пока еще не поздно? И зачем, собственно, ему помогать? Разве нам так уж важен один запутавшийся интеллигент?..» И наконец Бартош находит ответ единственно правильный: «Главное — сам человек. Надо ему помочь, если даже он отчаянно упирается».

Как Моравецкий в школе, так и Брих в своей конторе одинаково безуспешно пытаются создать для себя некий улиточный домик. Отченашек и Брандыс показали, как человек, лишенный чувства локтя, теряет опору в жизни, незаметно для себя сбивается с позиции. Он склоняется туда, куда его гнут сильнее. Враг народной власти Дзялынец так же старательно тащит к себе Ежи Моравецкого, как Ондра Раж, бывший владелец фабрики, тянет к себе Франтишека Бриха.

У Ондры и ему подобных народовластие, новый путь развития страны вызывают прилив бешеной злобы, отчаянную ненависть. Не родина им дорога, не интересы трудящихся, нет! Хладнокровно произносят они слово, единодушно проклятое человечеством: «Война». Упорно твердит Лазецкий, адвокат Ондры Ража: «Нужна война, она... сметет все несправедливости... Миру нужен ее очищающий огонь. Война... Война...»

И в романе Брандыса шепчутся о войне враги — Лэнкот и Гибневич. Им тоже некуда деться, тоже не на что больше надеяться. Словно тайну, Лэнкот в постели приглушенно сообщает жене: «Только война может нас спасти!»

Чешский писатель и его польский собрат по перу подняли волнующие вопросы жизни своих народов.

Н. ТОЛЧЕНОВА

В гуще народа

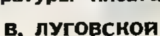
Евгения Поповкина хорошо знают советские читатели. Он, что называется, «дошел до сердца» наших людей своей простой, неторопливой речью, правдивостью жизненных деталей, серьезным чувством времени.

Его первый роман, «Большой разлив»,— это широкая и убедительная картина казачьего Дона в период коллективизации.

«Семья Рубанюк» — эпопея о людях украинского села в военные и послевоенные годы. Повесть о двух братьях Петре и Иване Рубанюках перерастает в большое полотно о сражениях Великой Отечественной войны, о страданиях и подвигах народа.

Образ Евгения Поповкина для меня связан с дорогой, путешествиями, с той удивительной его манерой входить в самую гущу интересов народа, которая дала ему столько искренних друзей. Он живет в Крыму, знает там каждый клочок земли, вошел в Крым с нашими войсками, а сейчас помогает расцвету этого радостного и чудесного полуострова. Он всегда ищет новое в людях. Он любит своих героев. Он дружит с ними.

Теперь мы ждем от Евгения Поповкина окончания нового романа — «Таврида» — и еще многих новых вещей, ибо пятидесятилетний писатель находится на подъеме в своем творческом пути. Указом Президиума Верховного Совета СССР за заслуги в развитии советской литературы писатель награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В. ЛУГОВСКОЙ

ПЕТЕФИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т. ИСЛАМОВ

Приближается сто девятая годовщина венгерской революции и освободительной борьбы 1848—1849 годов — славной страницы героического прошлого венгерского народа. Нация, лишенная независимости и своей национальной государственности, закрепощенная и задавленная гнетом австрийской монархии и собственных феодалов, восстав и сбросив с себя австрийское рабство, повела против европейской реакции такую героическую войну, что приковала к себе восхищенные взоры всей революционной Европы. В то же время она объединила против себя в смертельной ненависти венгерскую аристократию и высшее духовенство, австрийский абсолютизм и русский царизм. На стороне реакции в борьбе против революционной Венгрии выступили правительства республиканской Франции и буржуазной Англии: их ненависть к освободительному движению в Венгрии и страх перед революцией оказались сильнее противоречий, разделявших правящие классы этих государств с царской Россией.

Начавшаяся в феврале 1848 года в Париже революция быстро перекинулась на другие страны Европы, а в марте потрясла и многонациональную австрийскую империю.

К этому времени всем ходом своего исторического развития Венгрия была подготовлена к буржуазной революции. Австрийский абсолютизм и феодализм душили все живое, препятствовали прогрессу во всех областях. Необходимость преобразований в той или иной степени чувствовали даже представители господствующих классов Венгрии. Но они боялись вмешательства народа, который один лишь был способен вывести страну из тупика. Близорукость их «либеральной» политики видел и понимал Шандор Петефи — пламенный революционер, демократ и великий национальный поэт, всем своим существом связанный с народом.

12 марта 1848 года Петефи и другие представители революционной молодежи выступили с знаменитыми «12 пунктами» — демократической программой грядущей буржуазной революции, а 15 марта, когда восстала венгерская столица, городской муниципалитет и Наместнический совет приняли и утвердили эти пункты, озаглавленные: «Чего хочет венгерская нация?».

В конце марта последовала первая атака австрийской реакции: император, нарушив свое слово, отказался утвердить венгерские реформы. Однако народ Пешта, стоя на страже завоеваний революции, 30 марта снова выходит на улицы, и Вена вынуждена примириться с реформами и признать самостоятельное венгерское правительство, в которое вошел пламенный оратор и публицист адвокат Лайош Кошут.

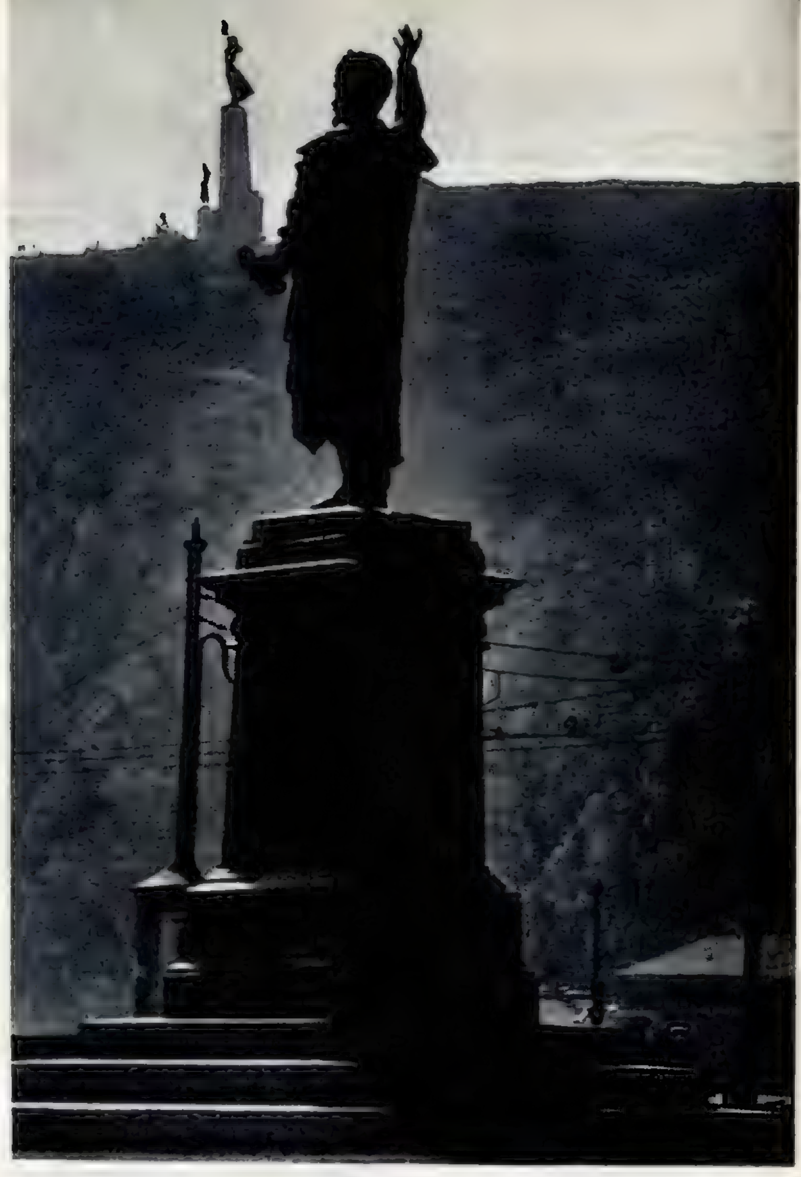
Правительство Баттиани — Кошута, представлявшее интересы среднепоместного дворянства, было неспособно разрешить демократическим путем аграрный и национальный вопросы. Венгерское крестьянство по-прежнему не имело земли. Никаких изменений не вносило правительство и в национальную политику.

В состав Венгрии в то время входили и невенгерские территории австрийской империи. Венгерские господствующие классы по отношению к румынам и славянам сами выступали как угнетатели. Это создавало почву для насаждаемого этими классами национализма и шовинизма.

Иных взглядов придерживалось в крестьянском и национальном вопросах левое, радикальное крыло революции в лице его лучших представителей — Петефи и Танчича, выдающегося революционного демократа, сына крепостного крестьянина. Они требовали наделить землей безземельных крестьян, понимали, что свобода родного народа самым тесным образом связана со свободой других народов.

Петефи и Танчич вели упорную борьбу против соглашательской политики правительства и национального собрания, требуя в интересах народных масс дальнейшего развития революции. «Парламент не представляет всю нацию... могущественные богачи жиреют на крови бедняков...»,— пишет в те дни Танчич. «Идеи свободы, равенства и братства не осуществились... Классовое господство существует по нынешний день, народ по-прежнему прозябает в положении политических пролетариев»,— заявлял Петефи.

Австрийская реакция, ободренная успехами контрреволюции по всей Европе, начало которым положил июньский расстрел рабочих в Париже, осенью 1848 года осмелела настолько, что стала открыто покушаться на свободу Венгрии. 11 сентября венгерскую границу переходят хорватские войска во главе с Елачичем, которому австрийская реакция по рекомендации венгерской высшей аристократии предназначила роль палача революции. Сторонники соглашения с Веной теряют почву под ногами. Правительство Баттиани выходит в отставку. 22 сентября создается Комитет обороны во главе с Кошутом.

Памятник Петефи в Будапеште.

Вступив на путь решительной революционной войны с одним из центров европейской реакции — австрийской империей,— венгерская революция приобрела не только национальное, но и международное значение. Вот почему с таким вниманием и надеждой следили за исходом героической борьбы венгерского народа лучшие представители европейской демократии, и прежде всего Маркс и Энгельс. «Мадьяры на всех участках победоносно продвигаются вперед и общеавстрийская монархия, являющаяся центром европейской контрреволюции, если не случится чудо, будет уничтожена в четырнадцать дней»,— писал Энгельс в апреле 1849 года, когда венгерская армия одержала ряд блестящих побед над императорскими войсками.

Но «чудо», спасшее австрийскую монархию, все же произошло. Начиная с мая путь в Австрию был открыт для венгерской армии, но цели ее генералов во главе с Гёргеем, как и политических представителей венгерского дворянства, столь далеко не простирались. Австрия получила отсрочку, которую император использовал для того, чтобы вымолить у своего «любезного брата» — жандарма европейского и палача всероссийского Николая I — это самое «чудо» в виде 140-тысячной армии. Так наступил конец венгерской эпопеи. Объединенные усилия внутренней и внешней реакции задушили венгерскую революцию.

Чернышевский, бывший всей душой на стороне венгров, с горечью писал: «Победа над венграми прискорбна». «Николай,— говорит Герцен,— помогая Австрии, изменил столько же России, сколько Гёргей, помогая ему, изменил Венгрии». Так думала вся передовая русская общественность.

Царскую интервенцию против революционной Венгрии одобрила и поддержала вся западная реакция. Английская газета «Таймс» уже осенью 1848 года писала о необходимости послать русские войска к берегам Дуная, «если австрийское правительство окажется недостаточно сильным для подавления революции». «Кончайте скорей»,— требовал, торопя царское правительство, английский министр Пальмерстон в беседе с русским послом.

* * *

В наши дни, когда венгерский народ ведет борьбу за окончательное искоренение последствий контрреволюционного мятежа, небесполезно вспомнить некоторые уроки той борьбы, которую он с таким мужеством вел против внутренней и внешней контрреволюции сто с лишним лет назад.

Английская буржуазия, поддержавшая и одобрившая царскую интервенцию в 1848—1849 годах,

сегодня — сто с лишним лет спустя — осуждает Советский Союз за помощь, оказанную правительству и народу Венгрии во имя мира и сохранения социалистических завоеваний трудящихся. Объясняется ли это изменением английской политики? Конечно, нет. Как тогда, так и теперь, ей глубоко безразлична судьба демократии и свободы, судьба венгерского народа. В обоих случаях политика западной буржуазии, в том числе и английской, определялась ее классовыми интересами. Современный американский империализм, провозглашая себя «защитником свободного мира» и претендуя на роль «освободителя» восточноевропейских народов, строящих социализм, ясно обнаруживает классовую основу своей политики — международные интересы капитализма.

Международная реакция, как и в 1848 году, нашла поддержку внутри Венгрии, на этот раз в лице остатков разбитых и свергнутых в ходе народно-демократической революции классов, бывших хортистских чиновников, офицеров и высшего католического духовенства.

Арестованный в декабре прошлого года бывший хортистский офицер, агент германо-американской шпионской организации Гелена, показал, что еще летом 1956 года на Западе подготавливались вооруженные отряды для переброски в Венгрию и что начальник «венгерской секции» шпионско-диверсионного центра Гелена хортистский подполковник Коллени поддерживал связь с генералом Бела Кираи, главнокомандующим так называемой национальной гвардии. Полковник Джеймс Коули, военный атташе английского посольства, в конце января был выслан из Будапешта за то, что в ходе октябрьско-ноябрьских событий поддерживал связь с руководителями контрреволюционных сил, давая им военно-политические советы, и осуществлял разведывательную деятельность. 1 ноября он посетил полковника Малетера, одного из военных руководителей контрреволюционного мятежа. Спустя два дня после этого «дипломатического визита вежливости» Малетер стал министром обороны кабинета Имре Надя. Любопытно, что этого назначения требовала радиостанция «Свободная Европа», а вслед за нею внутренние силы контрреволюции.

На политическом горизонте уже появилась зловещая фигура кардинала Миндсенти. Одного из предшественников Миндсенти, кардинала Яноша Хама, в 1848 году правительство Кошута объявило изменником родины, и он бежал от справедливой кары народа в Австрию. Миндсенти в 1956 году укрылся от столь же справедливого гнева народа в американском посольстве. Как тогда, так и теперь, высший руководитель католической церкви оказался активным участником контрреволюционного заговора.

Можно ли представить пламенного патриота Шандора Петефи в одной компании с Миндсенти и его фашистскими молодчиками! Одна немецкая газета в 1923 году в статье о 100-летии со дня рождения Петефи очень верно заметила: «Будь жив теперь Петефи, он сидел бы в Венгрии в концентрационном лагере в качестве большевика». А. В. Луначарский, считавший Петефи самой яркой звездой среди предшественников международной пролетарской поэзии, писал, что в революции 1848 года поэт «занял слишком очевидно антибуржуазное место — он был, так сказать, «большевиком» своего времени». Великий венгерский поэт XX века Эндре Ади также ясно понимал, на чьей стороне были бы симпатии Петефи в борьбе буржуазии с пролетариатом: «Если бы Петефи не погиб в 1849 году и попал бы в эмиграцию, то в 1871 году он наверняка боролся бы за освобождение рабочего класса на баррикадах Парижской Коммуны».

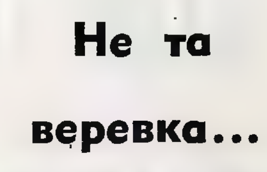
Венгерские коммунисты во времена Хорти отстаивали патриотические национальные традиции Петефи от посягательств фашистов, пытавшихся использовать их для шовинистической пропаганды. Вождь Венгерской Советской Республики Бела Кун, считавший Петефи представителем «пролетариата Венгрии», указывал: «Национальность Петефи не имеет и не может иметь ничего общего с фашистским национализмом, который поставляет венгерский народ в качестве пушечного мяса для борьбы против европейского прогресса, демократии и социализма. Национальность Петефи так же не националистична, так же не шовинистична, как не была таковой и борьба Венгерской Советской Республики против европейского империализма, в защиту социального освобождения и национальной самостоятельности венгерского народа, за право венгерской нации на самоопределение, за ее государственную независимость».

Венгерская Народная Республика и венгерский народ во главе с революционной марксистской партией, давно осуществив задачи буржуазной революции, успешно претворяя в жизнь великую программу построения социалистического общества, являются прямыми наследниками лучших патриотических, интернациональных традиций революции 1848—1849 годов и пролетарской революции 1919 года.

Как бы ни усердствовали в клевете на Венгерскую Народную Республику западные пропагандистские центры, какие бы потоки лжи ни выливали в эфир радиостанции «Свободная Европа» и «Голос Америки», каждому честному человеку на земле сегодня ясно, что Венгерское Революционное Рабоче-Крестьянское Правительство и Венгерская Социалистическая Рабочая партия стоят на страже интересов своей нации, защищая социалистические завоевания народа. Мероприятия партии и правительства в промышленности, сельском хозяйстве и других жизненно важных областях ставят своей целью укрепить строй народной демократии, сплотить все прогрессивные силы страны для дальнейшего строительства социализма. Эта подлинно национальная программа выражает истинные интересы венгерского народа, лучшие чаяния венгерских рабочих, трудового крестьянства, интеллигенции.

Та свобода, та социальная справедливость, о которой мечтал и за которую боролся Шандор Петефи, могут быть осуществлены только на пути к социализму. Нет более верного, справедливого, национального и величественного пути, чем этот.

Здание Венгерского парламента в Будапеште.

Назначение гитлеровского генерала Ганса Шпейделя на пост командующего сухопутными силами Атлантического блока в центральной зоне Европы, которое вызвало огромное возмущение французского народа, получило большой отклик на страницах французской печати.

Не прошел мимо такой «сенсации» и парижский журнал «Пари матч». Под рубрикой «Главное событие недели» он поместил несколько снимков, один из которых здесь воспроизводится. Снимок показывает, как доставляли Шпейделя на борт одного из военных кораблей Шестого американского флота, которому новоиспеченный командующий нанес официальный визит. Столь бесцеремонное обращение, по сообщению «Пари матч», привело в расстройство гитлеровского вояку, и, едва почувствовав под ногами палубу, он попросил рюмку коньяку для успокоения нервов. Однако ему заявили, что на американских кораблях царит «сухой закон». Так незадачливый генерал, у которого земля Европы горит под ногами, не нашел успокоения ни в воздухе, ни на море.

Французский журнал озаглавил свой репортаж о визите Шпейделя на американские корабли так: «Привидение Шпейдель висит на веревке». Но европейские народы, которые давно знают Шпейделя, вправе заявить, что это не та веревка, которую заслужил гитлеровец своими кровавыми делами.

Господин Панар спасается

ГИ ДЕ МОПАССАН

Господин Панар был человек осторожный, и боялся он всего в жизни. Боялся он черепичных крыш, падений, фиакров, железной дороги, всевозможных несчастных случаев и особенно болезней.

По своей исключительной прозорливости он понимал, насколько существование наше поставлено под вечную угрозу всем, что нас окружает. Увидев ступеньки, он подумывал о вывихах, о сломанных руках и ногах; заметив оконную витрину, вспоминал об ужасных ранах, причиняемых осколками стекла; при встрече с кошкой ему мерещились вытекшие глаза, и жил он, проявляя осторожность в любой мелочи, осторожность расчетливую, настойчивую, всеобъемлющую.

Своей жене, хорошей женщине, относившейся снисходительно к его слабостям, он говорил:

— Вообрази, милая, как мало нужно, чтобы искалечить или погубить человека! Прямо страшно подумать! Выходишь ты из дому живой, здоровый, пересекаешь улицу, а тут откуда ни возьмись карета, и она проезжает по тебе. Или остановился ты на минутку в воротах поговорить с приятелем и даже не чувствуешь, как сквозняк скользнул по твоей спине,— и, пожалуйте, воспаление легких, и тебе конец.

Особый интерес проявлял он к газетной рубрике «Здравоохранение». Ему досконально было известно, сколько в нормальное время умирает в городе людей, отдельно по временам года, течение и причуды эпидемических заболеваний, их симптомы, возможная продолжительность, способы предупреждения, пресечения и лечения. Он имел свою медицинскую библиотеку из общедоступных лечебных руководств, составленных практикующими врачами-популяризаторами.

Верил он в дозиметрическую медицину, в металлотерапию, электричество, массаж и все виды врачевания, которые в течение первых шести месяцев после их открытия обычно считаются панацеей решительно от всех недугов. Но за последнее время доверие господина Панара пошатнулось, и он благоразумно полагал, что лучшим способом избегнуть болезни — это быть подальше от нее.

* * *

В начале прошлой зимы господину Панару стало известно из его газеты, что в Париже появилась небольшая тифозная эпидемия. Им тотчас же овладела тревога, неотступно затем преследовавшая его. Каждое утро он покупал две или три газеты, пытаясь из их противоречивых сообщений вывести некое среднее, и вскоре он проникся убеждением, что район города, в котором он проживал, находится в особой опасности. Как же ему в таком случае быть? Оставаться в городе или уезжать? Из неопределенных ответов своего врача господин Панар сделал вывод, что угроза несомненна, и решил уехать. Пришел он домой с намерением посоветоваться с женой, куда им направиться.

— Как ты полагаешь, милая,— спросил он,— По[1] будет подходящим местом?

Но ей очень хотелось повидать Ниццу, и она ответила:

— Утверждают, что в По из-за близости Пиреней изрядно холодно. Канны должны быть местом более здоровым, раз туда едут принцы Орлеанские.

Этот довод убедил ее мужа. Но, тем не менее, он продолжал еще испытывать некоторую нерешительность.

— Так-то оно так, но вот уже два года, как на Средиземноморском побережье появляется холера.

— Ах, друг мой, зимой ее никогда не бывает. Туда съезжается все общество.

— Это верно. В таких случаях победа всегда остается за дезинфекцией. Позаботься о пополнении моей дорожной аптечки.

Уехали они в понедельник утром. На вокзале госпожа Панар передала мужу его дорожный чемоданчик.

— Возьми,— сказала она.— Тут твои лекарства, все в порядке.

— Спасибо, милая.

И они сели в поезд.

Начитавшись сочинений о курортах Средиземноморья, сочинений, написанных здешними врачами, которые в ущерб другим местам восхваляют пляжи своих городов, господин Панар, раздираемый сильнейшими сомнениями, остановил наконец свой выбор на Сен-Рафаэле по той единственной причине, что среди крупных домовладельцев этого города числилось несколько профессоров Парижского медицинского факультета. А раз там жили профессора, значит, район, наверное, был здоровый.

Итак, господин Панар сошел с поезда в Сен-Рафаэле и тотчас же поехал в гостиницу, название которой вычитал в путеводителе Сартю, незаменимом для тех, кто отправляется зимой на Южный берег. И здесь обрушились на него новые заботы. И в самом деле, что способно внушать доверие меньшее, чем гостиница, в особенности, когда эта гостиница находится в районе, в который устремляются чахоточные? Сколько больных — и каких! — лежало на этих матрацах, под этими одеялами, на этих подушках, оставляя в шерсти, перьях, простынях тысячи невидимых микробов, выделяемых их телом, дыханием, горячечным состоянием? Как может он решиться лечь на такую подозрительную кровать, спать в постели, в которой еще несколько дней назад переживал кошмары человек, впавший в агонию?

И тогда его озарила мысль. Он попросит комнату, выходящую окнами на северную сторону, абсолютно на северную, и в которой никогда не бывает солнца. В таком помещении — он был уверен — не стал бы жить ни один больной. И вот открыли ему большой, замороженный номер, и тот показался ему настолько застуженным и непригодным для жилья, что он с первого же взгляда счел комнату вполне для себя подходящей. Господин Панар приказал затопить камин и поднять в номер чемоданы.

Быстрой походкой расхаживал он по комнате и, несколько обеспокоенный мыслью, как бы не поймать простуды, сказал жене:

— Видишь ли, милая, этот район опасен тем, что здесь прихо-

[1] Город на юге Франции.

На русском языке публикуется впервые.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

дится жить в прохладных комнатах, и поэтому можно заболеть. Будь добра, развяжи чемоданы.

И она уже начала было выкладывать из чемоданов вещи в шкафы и комод, когда господин Панар, неожиданно застыв на месте, стал нюхать воздух, как собака, почуявшая дичь.

Потом, внезапно встревожившись, он сказал:

— Здесь пахнет... пахнет... больным... пахнет лекарствами!.. Ну, ясно, здесь пахнет лекарствами!.. Конечно, здесь был больной... чахоточный... в этой комнате... А ты, милая, не чувствуешь этого?

Госпожа Панар тоже понюхала воздух и ответила:

— Да, немного пахнет... Я не могу точно определить запаха, но пахнет лекарством.

Тут господин Панар бросился к звонку и сказал явившемуся слуге:

— Немедленно позовите, пожалуйста, хозяина!

Хозяин пришел почти тотчас же, улыбаясь и раскланиваясь. Господин Панар, глядя на него в упор, резко бросил:

— Кто жил здесь последним?

Хозяин гостиницы, застигнутый вопросом врасплох, пытался сначала разгадать намерения, мысли или подозрения клиента, но так как все же надо было ответить, а в комнате уже несколько месяцев никто не ночевал, то он сказал:

— Здесь жил граф де ля Рош-Лимоньер...

— Ага, француз?

— Нет, сударь, он... он... он бельгиец.

— И как он себя чувствовал? Хорошо?

— Да... То есть, собственно говоря, не совсем... Вначале он очень болел, но уехал вполне здоровым...

— И чем он болел?

— У него появились боли...

— Какие боли?

— Боли... боли... в печени...

— Отлично, сударь, благодарю вас... Я рассчитывал пожить здесь некоторое время, но теперь я переменил намерение. Я сейчас же уезжаю, вместе с госпожой Панар.

— Но... сударь...

— Бесполезно, сударь... Мы уезжаем, пришлите счет за омнибус, комнату, услуги.

Всполошенный хозяин поспешил уйти, а Панар сказал жене:

— Ну как, милая, раскусил я его? Видела ты, как он мямлил?.. Боли... боли... боли... в печени... А на кой черт сдалась мне его печень?

* * *

Господин и госпожа Панар приехали в Канны ночью, поужинали и тотчас же легли спать. Однако, едва оказавшись в постели, господин Панар воскликнул:

— А запах, запах!.. Ты разве не чувствуешь запаха? Но... но это ведь карболка, моя милая!.. В комнате здесь делали дезинфекцию!

Он вскочил с кровати, быстро оделся, и так как час был поздний, чтобы звать кого-нибудь, то решил он провести ночь в кресле. Госпожа Панар, несмотря на настояния мужа, отказалась последовать его примеру и, завернувшись в одеяло, сладко проспала всю ночь, между тем как господин Панар все продолжал шептать:

— Место-то какое! Какое ужасное место! В гостиницах здесь одни только больные!

Как только начало рассветать, он потребовал к себе хозяина гостиницы.

— Кто жил последним в этой комнате?

— Великий князь баденский и магдебургский, сударь!.. Кузен императора... как его... русского императора.

— И великий князь чувствовал себя хорошо?

— Очень хорошо, сударь!

— Абсолютно хорошо?

— Абсолютно хорошо!

— Достаточно, господин хозяин гостиницы! Мы с женой уезжаем отсюда в полдень в Ниццу.

— Как вам будет угодно, сударь.

И когда взбешенный хозяин ретировался, господин Панар сказал жене:

— Ты смотри, какой шут! Даже признаться не желает, что его жилец был болен! Болен!.. Конечно, он был болен!.. Готов поручиться, что он здесь умер! Скажи, чувствуешь ты запах карболки? Чувствуешь?

— Да, друг мой!

— Какие же негодяи эти хозяева гостиниц!.. Видите ли, его жилец даже не был болен! Какие негодяи!..

Уехали они поездом, отходившим в час тридцать. Запах карболки преследовал их в вагоне.

Господин Панар, очень встревоженный, шептал:

— Все еще пахнет!.. Видно, это — общее для всего района мероприятие! Вероятно, по распоряжению врачей и муниципалитетов здесь поливают карболкой улицы, полы и вагоны.

Но когда в Ницце они оказались в номере гостиницы, запах стал нестерпимым.

Панар, совершенно подавленный, слонялся по комнате, выдвигая ящики комода, заглядывая во все темные углы, обследуя все щели в мебели. В зеркальном шкафу он нашел старую газету и, случайно глянув в нее, прочел: «Злостные слухи, распространяемые по поводу санитарного состояния нашего города, лишены всякого основания. Ни одного случая холеры не зарегистрировано ни в Ницце, ни в ее окрестностях».

Тут он подскочил на месте и закричал:

— Госпожа Панар!.. Госпожа Панар!.. Здесь холера!.. Холера... холера!.. Я знал это!.. Не развязывайте чемоданов, мы немедленно возвращаемся в Париж... Немедленно!..

Час спустя они ехали скорым поездом обратно в Париж, задыхаясь от запаха карболки.

Едва вернувшись домой, господин Панар счел необходимым принять несколько капель энергично действующего противохолерного средства и раскрыл для этого дорожный чемоданчик, в котором хранились медикаменты. Оттуда ударило удушливыми испарениями. Склянка с карболкой была разбита, и разлившаяся жидкость сожгла в чемодане всю подкладку.

Тут жена, заливаясь диким хохотом, воскликнула:

— Ах-ха-ха!.. Мой друг!.. Вот она... Вот она... твоя холера!..

18 апреля 1886 года.

Перевел с французского А. МАРИИНСКИЙ.

ПЕРВЫЕ РЕВО

Вл. ПИМЕНОВ

Все ближе и ближе историческая дата в жизни нашей страны — сорокалетие Великой Октябрьской революции. Встречать годовщину Октября новыми волнующими, масштабными спектаклями давно уже стало традицией нашего театра. И сегодня, в дни подготовки к празднику, вспоминаются ранние советские пьесы, чей страстный революционный пафос живет и поныне в лучших произведениях нашей драматургии, в лучших современных спектаклях.

Драматургия первых лет революции, гражданской войны — это не просто архивные материалы. Это — воплощение наших великих идей, нашей советской культуры. И хотя в большинстве таких пьес несовершенна художественная форма, порою не выписаны характеры, нет глубины в показе сложной психологии человека, герои молодой советской драматургии дороги нам как первые бойцы за новую жизнь. Слово в этих пьесах звучит горячим обращением к современности: то было боевое оружие народа в борьбе с врагами революции, в борьбе за воспитание социалистического сознания широких трудящихся масс.

Драматургия первых лет революции и гражданской войны, к сожалению, очень мало известна. Пьесы того времени не переиздавались и превращаются постепенно в библиографическую редкость. Между тем о них надо знать нашему народу. И обязательно к ним должны обратиться драматурги: здесь найдут они и своеобразную летопись великой эпохи и тот высокий гражданский пафос, который по-новому оплодотворит их сегодняшние произведения.

Авторы пьес тех лет поднимали в своих произведениях почти все кардинальные вопросы революции и гражданской войны: о диктатуре пролетариата, о союзе рабочих и крестьян, о борьбе за освобождение женщины от угнетения, о классовом расслоении революционной деревни и многое другое. А главное, в произведениях того периода отражена смертельная борьба между нарождающимся, новым и умирающим, отживающим, но еще сопротивляющимся старым, показан политический рост масс под влиянием октябрьских событий.

Одна из первых советских пьес—драматический этюд П. Арского «За красные Советы» — появилась в 1918 году. Драматург еще не умеет выделить центрального героя, развить глубокий психологический конфликт, и, тем не менее, в пьесе намечается явственный переход от схематического изображения людей и событий к конкретному, реалистическому их показу, к решению важнейших проблем современности. Постановка этого произведения в 1918 году была осуществлена Героическим театром Пролеткульта.

«В 1919 году,— рассказывает автор пьесы,— тем же Героическим театром спектакль был показан на пересыльных пунктах комиссии по борьбе с дезертирами. Сила воздействия спектакля была так велика, что сотни дезертиров подавали заявления с просьбой послать их на фронт против белых войск Юденича».

Живое, социально-четкое решение новых тем, выдвигаемых жизнью, можно найти в пьесе А. Неверова «Захарова смерть» (1920 год). Здесь уже выведены образы людей новой эпохи — Григорий и Надежда, борющиеся за установление Советской власти в деревне. На конкретном бытовом материале показано столкновение старой, собственнической морали с новыми, социалистическими идеями. Правда, глубоко современное содержание «Захаровой смерти» облечено в старую форму бытовой мелодрамы, но в ней выражена страстная ненависть писателя-революционера к беспросветному, мрачному прошлому. Пьесы Неверова не сходили со сцен фронтовых агитбригад и пользовались признанием.

К числу интереснейших работ того времени принадлежит пьеса красноармейца А. Вермишева «Красная правда» (1919 год), отмеченная политической зрелостью ее автора, умением разбираться в сложных общественных вопросах. Это произведение было одним из наиболее популярных в репертуарах фронтовых агиттеатров, ставилось в первых самодеятельных кружках, в городских народных домах, в сельских клубах и избах-читальнях. В «Красной правде» борьба происходит между классовыми силами, участвовавшими в революции. Особенно важны образы старого крестьянина Ипата, осознающего новую, большевистскую правду, и большевика Андрея, представителя Советской власти в деревне, воспитателя и организатора масс. В образе старика Ипата, ветерана мировой войны, А. Вермишеву удалось затронуть большую тему — формирования нового, социалистического сознания людей в самом ходе Великой Октябрьской революции. Говоря о пьесе Вермишева, Горький назвал именно фигуру Ипата «характером». Пьеса «Красная правда», по словам современника, «звала вперед... показывала заманчивые горизонты...». Это и было тем драгоценным качеством, которого требовали от молодой драматургии партия, советский народ.

Наиболее идейно зрелая и художественно совершенная пьеса этих лет — «Марьянна» А. Серафимовича (1919 год). Драматург показывает классовое расслоение деревни в живых, реалистических образах, вскрывает черты нового в трудной крестьянской жизни. Центральная тема пьесы — прозрение людей под влиянием октябрьских событий, духовный рост простого русского человека.

То, что было только намечено в «Красной правде», получило свое идейное и художественное воплощение в «Марьянне» — поли-

ЛЮЦИОННЫЕ ПЬЕСЫ

тически остром произведении о союзе рабочих и крестьян, сражающихся за победу революции. Большая и принципиальная удача пьесы — создание образа большевика-рабочего Павла, несущего в деревню новую, народную правду, организующего вокруг себя крестьянскую бедноту. К Павлу тянется все лучшее, здоровое в народе. Под его влиянием пробуждается к новой жизни героиня пьесы Марьянна. Ее уход от Степана, человека чуждого мировоззрения, к Павлу — не только разрыв с нелюбимым мужем, но и осознание своей большой духовной близости с рабочим-большевиком.

Постановка «Марьянны» состоялась впервые во Владикавказе, где тогда находился автор. Осуществил ее Передвижной театр, сформированный в Москве для обслуживания воинских частей. Премьера прошла с огромным успехом. Затем «Марьянну» поставил Ростовский театр, где спектакль прошел 16 раз при переполненном зале. В Москве и Подмосковье пьеса шла в рабочих клубах.

Нельзя без волнения читать сегодня и пьесу И. Козлова «Подполье» (1920 год); в репертуаре фронтовых агиттеатров она пользовалась успехом. Ее ставили также многие кружки художественной самодеятельности. Произведение Козлова построено на реальных событиях. Эпиграф гласит: «Посвящаю дорогим товарищам-коммунистам по харьковскому подполью 1919 года — И. Козлов». Пьеса пронизана любовью к Советской республике, верой в ее окончательную победу. Драматург создает выразительные, яркие образы революционеров-подпольщиков — талантливого организатора Марка, бесстрашной коммунистки Ганны, стойкого большевика Василия.

Два лагеря, два мира сталкиваются в пьесе красноармейца С. Минина «Город в кольце» (1919 г.). Это — сценическое повествование о великом патриотизме голодных, полураздетых людей, прошедших тысячеверстные фронты гражданской войны, побеждавших там, где, казалось бы, противник вдвое, втрое сильнее. Пьеса Минина учит беззаветной любви к Родине, несокрушимому, стойкому мужеству.

Молодой советской драматургией было сделано главное: она обратилась к кипучей современной действительности, ее героями стали люди, свершившие Великий Октябрь.

В эти же годы советская драматургия знакомит нового зрителя с замечательными героями всемирной истории. Главные действующие лица исторических драм — Степан Разин, Фома Кампанелла, Оливер Кромвель — представали перед зрителем пламенными борцами, предшественниками нового общества, людьми, намного опередившими свое время.

Восстанию Степана Разина посвящена историческая драма Ю. Юрьина «Сполошный зык» (1920 год). Центральная тема пьесы решалась драматургом с верных идейных позиций. Степан Разин в пьесе Ю. Юрьина не бунтарь-одиночка, не исключительная личность, возвышающаяся над толпой: это руководитель народа и одновременно его слуга. «Вынесла меня волна горя мирского на гребне своем... не я — другой был бы и в месте том, не другой, так третий — все едино. Пришел час заняться пожару — и занялся, не мной раздут...» — говорит Степан Разин.

Правильное понимание роли организатора масс, реалистическое воплощение идейного замысла помогли драматургу создать монументальный образ народного вождя, яркие характеры многих людей из народа, беззаветно преданных делу борьбы с тиранией. Пьеса Юрьина обошла большинство драматических театров страны и имела огромный успех. Сейчас, когда театр обращается к лучшим советским пьесам прошлых лет, было бы интересно возродить на сцене эту историко-революционную драму.

К этому же этапу относится и историческая драма В. Волькенштейна «Спартак» (написанная в 1920 году и поставленная московским Театром революции в 1923-м). События этой пьесы воспринимались не только как далекая история, но и как живая перекличка с революционной современностью, с великим подвигом победившего народа.

Своеобразное явление в драматургии того времени представляют философские драмы А. В. Луначарского «Фома Кампанелла», «Оливер Кромвель» и «Освобожденный Дон Кихот»; все они относятся к двадцатым годам.

В своей неоконченной исторической драме «Фома Кампанелла» А. Луначарский рисует величественный образ разрушителя старой жизни — монаха Фомы. Сталкивая Кампанеллу с представителями различных сословий, Луначарский показывал обреченность утопических мечтаний, трагическое одиночество искателя города Солнца, невозможность осуществления его коммунистических идеалов в эпоху феодализма.

Посвящая другое свое произведение вождю английской буржуазной революции XVII века Оливеру Кромвелю, А. Луначарский показывает ограниченность своего героя, коренящуюся в ограниченности самого буржуазного строя, в отсутствии подлинной связи между Кромвелем и широкими народными массами.

В пьесе «Освобожденный Дон Кихот» Луначарский изображает «рыцаря печального образа», чьи наивные представления рушатся в столкновении с революционно настроенными народными низами.

Произведения А. В. Луначарского, созвучные идеям Великой Октябрьской социалистической революции, сыграли значительную роль в развитии советской драматургии и театра. В 1921 году Академический Малый театр поставил пьесу «Оливер Кромвель». В ту пору большим событием явилось создание образов Кромвеля — крупнейшим русским актером А. И. Южиным и Карла I — П. М. Садовским.

А над всеми этими произведениями как бы высится великолепная «Мистерия-буфф» Маяковского (1918 год), стоящая у истоков советской реалистической драмы. Показанная к первой годовщине Октября Театром музыкальной драмы в Петрограде «Мистерия-буфф» талантливо и ярко изображает борьбу классов.

«Да здравствует коммуна, да здравствует Советская власть!» — эти слова одного из действующих лиц пьесы Павла Арского «За красные Советы» можно поставить эпиграфом к драматургии первых лет Октября.

Драматургия первого десятилетия Октября. Стенд из экспозиции Государственного театрального музея имени Бахрушина.

Фото М. Савина.

Сцена из спектакля Малого театра «Оливер Кромвель». Постановка 1921 года.

Фото М. Сахарова

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Умнова.

В КВАРТИРЕ ЖИВЕТ... УЧРЕЖДЕНИЕ

Допустим, вас пригласил в гости знакомый, проживающий в старинном московском доме на улице Кирова, под номером двадцать четыре. Разыскав квартиру, вы будете удивлены, что на фасаде обычного жилого дома красуется вывеска Московской областной конторы по прокату кинофильмов.

Если вас одолеет любопытство, загляните в эту контору. Оказывается, размещена она в точно такой квартире, как и все остальные. Правда, в бывшей кухне снята плита.

Впрочем, не очень-то удивляйтесь. Старший инженер по нежилым помещениям Ленинградского района города Москвы А. Г. Лучин сообщает, что десятки квартир со всеми удобствами, вплоть до горячей воды, заняты учреждениями и числятся, вопреки логике, нежилыми помещениями. И не где-нибудь, а в новых домах!..

Вот дом № 41 по 3-му проезду Аэропорта, ничем не отличающийся от своих соседей, — пятиэтажный, с балконами на верхних этажах.

Строительство этого дома закончилось в конце 1953 года. Сюда предполагалось переселить жильцов из ветхих бараков, уже отслуживших свой срок. Но эти бараки и сейчас видны отсюда...

Когда, казалось, новоселы могли уже въезжать, все 28 квартир, 1 450 квадратных метров, были заняты конторой «Аэропроекта».

Новые хозяева торопливо выбрасывали ванны, кухонные плиты, ломали стены, переносили перегородки, а «попутно» выбрасывали на ветер тысячи и тысячи рублей.

Обойдем квартиры, к дверям которых теперь прибиты ярлычки с названиями отделов и секторов.

...Ясно, что здесь была ванная,— об этом свидетельствуют кафельные стены.

...А здесь располагалась кухня,— иначе чему могли бы служить газовые и водопроводные трубы!

Тогда же был захвачен первый этаж, запроектированный под столовую. Тут расположилась художественно-декоративная мастерская. К счастью, ее ликвидировали, как никому не нужную, и помещение вернули в первозданное состояние, снова затратив на это немалые средства.

Новопесчаная улица, дом № 13/3. Контора специализированного управления № 42 треста по строительству водостоков и коллекторов занимает две квартиры — пять комнат. На двери кухни табличка: «Отдел снабжения». Как правило, кассиры и отделы снабжения избирают себе в качестве резиденции кухню. Кассир может вдоволь побаловаться чайком, благо плита рядом, а присутствие снабженцев тем более оправдано: кухня-то тоже, по замыслу, призвана снабжать...

Двинемся дальше. 3-я Песчаная улица, дом № 5, корпус № 1. Видите вывеску? Это Московское областное управление промышленности строительных материалов Министерства промышленности строительных материалов РСФСР. В нескольких жилых квартирах бельэтажа расставлены письменные столы.

Мелькают надписи на дверях комнат, которые должны были служить столовыми, спальнями, детскими: «Плановый отдел», «Отдел кадров»... Встроенные шкафы в комнатах и коридорах завалены папками. Ванные захламлены, в кухне нечто вроде гардеробной.

Новый адрес: Новопесчаная, дом № 19/10. Учреждение называется Строительным управлением № 1 треста «Мосгорсантехстрой». Оно владеет двумя квартирами. В отдельной двухкомнатной квартире — бухгалтерия. Кассир, как полагается, оккупировал кухню.

По этому же адресу, но в другом корпусе размещен и трест «Мосгорсантехстрой». Он занимает 17 жилых комнат.

Еще одна улица, еще один дом: 1-я Хорошевская, 19, корпус 107. Две квартиры из четырех комнат со всеми удобствами, вплоть до горячей воды, оккупированы под контору «Госзеленхоза», что означает: Государственный республиканский трест зеленого хозяйства Министерства коммунального хозяйства РСФСР.

Здесь свои нравы. В ванной свален архив. На кухне нечто вроде лаборатории.

Много таких улиц, много таких домов в Москве! А. Г. Лучин может показать список на двести комнат. В них нашли приют всяческие организации: и городские, и областные, республиканские, всесоюзные...

Таковы резервы, которые могут быть обращены на смягчение жилищных трудностей в столице. Но есть и другие резервы.

Некоторые министерства и ведомства расположились с непомерной роскошью. Так, например, в Министерстве авиационной промышленности, по данным на 15 августа 1956 года, на одного работника центрального аппарата приходится 8,5 квадратного метра, а в аппарате Государственного арбитража при Совете Министров СССР — даже 9,8 квадратного метра на человека. Не слишком ли роскошно?

В министерствах и ведомствах значительная часть площади занята залами заседаний, библиотеками, медицинскими учреждениями, телефонными станциями. В Министерстве тяжелого машиностроения, например, под эти специальные цели отведено больше половины площади, а в Министерстве авиационной промышленности — 40 процентов.

Наконец, еще одно весьма существенное замечание. Речь идет о кабинетах и приемных. Вот несколько цифр. В Министерстве нефтяной промышленности 12 работников занимают почти тысячу квадратных метров. Лишь немногим экономнее Министерство культуры СССР: на 13 руководителей — 800 квадратных метров. Призыв к скромности был бы здесь вполне уместен!

...Итак, адреса известны, учреждения названы:

— Вот эти улицы, вот эти дома!

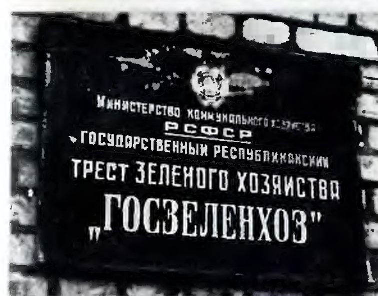

Победа шведских хоккеистов

Десять дней бушевали страсти вокруг ледяных площадок, на которых разыгрывалось первенство мира и Европы. За это время было сыграно двадцать восемь матчей, но больше всего волнений доставили зрителям три встречи. Собственно, в этих трех встречах и решалась судьба трех призовых мест.

27 февраля состоялась полная драматизма игра Швеция — Чехословакия. Стремительность и напор чехословацкой сборной разбились о хладнокровную защиту шведов. Особенную популярность у москвичей завоевали Торд Флодквист, шведский вратарь, и Ларс Бьерн, один из самых «непроходимых» защитников первенства. На две шайбы, забитые шведами, чехословацкие хоккеисты не смогли ответить ни одной.

2 марта трибуны Большой арены стадиона имени Ленина были заполнены до отказа. И как только раздался переливчатый свисток к началу игры, из сектора, в котором расположились чехословацкие туристы, понеслось оглушительное стоустое «До того! До того!». Это трудно переводимое чешское выражение примерно означает «Вперед!», но москвичи воспринимали его без перевода, как «Кто кого?». Все шестьдесят минут игры сборных команд СССР и Чехословакии так и не дали ответа на этот вопрос. Никто никого — 2:2.

Ничья так же не устраивала команду СССР, как и проигрыш. После этого советским хоккеистам, чтобы завоевать золотые медали, нужно было во встрече с командой Швеции только выиграть. Последний матч первенства, состоявшийся 5 марта, был самым напряженным и волнующим. Он решал, кто станет чемпионом мира и Европы 1957 года, а кто отойдет на второе место. Судьба третьего места к тому времени была уже твердо решена: его заняла сборная Чехословакии.

5 марта можно назвать триумфальным днем шведской команды, хотя матч с командой СССР она свела вничью — 4 : 4. Трудно, очень трудно было играть нашим хоккеистам без ведущей тройки нападающих.

Нам нужна была только победа, тогда как шведам достаточно было ничьей. Так или иначе, но теперь все позади. Шведы — чемпионы мира и Европы. Команда СССР — обладательница серебряных медалей.

Впервые в истории хоккея «корона» чемпиона мира второй год подряд остается в Европе.

Все, кому довелось присутствовать на матчах XXIII первенства мира и XXXV первенства Европы: и игроки, и судьи, и зрители,— не забудут атмосферы товарищества и искренности, которая царила на этих больших состязаниях.

О. ШМЕЛЕВ

На пьедестале почета капитаны команд. В центре — Л. Бьерн (Швеция), слева — Н. Сологубов (СССР), справа — К. Гут (Чехословакия).
Фото А. Бочинина.

Чемпионы мира

В Хельсинки закончилось первенство мира по хоккею с мячом. В борьбе с командами Финляндии и Швеции спортсмены СССР завоевали первое место. Н а с н и м к е: сборная команда СССР. В первом ряду (слева направо): А. Мельников, Е. Климов, Н. Дураков, Л. Шунин. Во втором ряду: Н. Назаров, А. Измоденов, М. Осинцев, В. Атаманычев. В третьем ряду: А. Зайцев, А. Панин, Е. Папугин, А. Филатов, В. Чигирин (капитан команды), Г. Водянов, М. Туркин.

Случай в лесу

Зима — лучшая пора охоты на волков. Голод заставляет зверей бродяжничать вблизи деревень, где можно поживиться на худой конец хоть собакой. А разбой, как известно, требует сообщества. И волки держатся вместе, промышляют семьей и стаей.

Точками, запятыми и крестиками описаны на снегу все похождения обитателей леса — волков, лисиц, зайцев, даже нырнувших в снег тетеревов. Только медвежьих следов нет: спит, ленивец, в берлоге. Не спеша разбирается охотник в следах, как ученый в иероглифах. Что ни след, то буковка, что ни многоточие, то слово. Буква к букве, слово к слову — и вот уже готова грамота, маршрутный лист следопыта.

Но бывает, что и хорошо разведанный путь приносит самые неожиданные результаты. Интересный случай произошел недавно с группой моих товарищей.

Все они заядлые волчатники, поставившие своей целью истреблять волков всюду, где бы те ни появились. На вооружении у них и намотанные на барабаны красные флажки, и капканы с богатырскими пружинами «хватай и не пускай», и секретное для хищников оружие — яд.

Однажды отправились они на розыски волков.

В лесу, неподалеку от наезженного зимника, они вдруг наткнулись на обглоданную тушу лося. Многочисленные волчьи следы изобличали виновников лесного разбоя. Осталась нетронутой только голова лося с могучими лопатообразными рогами.

Подвернулся удобный случай использовать естественную приваду. Но место не подходило для засады, а перенести приманку значило насторожить волков... Охотники решили применить отраву. Не сходя с лыж, они с помощью ножей сделали в лосиной голове несколько надрезов и заложили в них ампулы с ядом.

Ну, теперь берегитесь, разбойники!

Охотники ушли ночевать в деревню. А наутро, явившись к приваде, не обнаружили вокруг останков лося ни одного свежего волчьего следа. Зато выпавший за ночь снег был примят мощными лапами... медведя!

Это было для охотников полной неожиданностью. Что за «шатун» появился зимой в лесу?

Зарядили ружья пулями и пошли по следам. Яд, видимо, не сразу подействовал на громадного зверя, и он прошел метров триста, пока не упал. Когда охотники подошли к нему, он глухо рявкнул и пытался встать...

Пуля довершила дело.

Это был крупный самец, хотя весил «только» около десяти пудов. Он был довольно тощ, вероятно, болел и, не накопив на зиму жира, не залег в берлогу, а продолжал шататься по лесу в поисках пищи. Когда медведя освежевали, то увидели, что одна из задних ног зверя была сломана и только недавно срослась.

Волки не посмели помешать косолапому гиганту лакомиться остатками их ужина — и вот трагичный финал...

Обидно за мишку: полег не в открытом бою у берлоги — погиб, как тать, на падали.

А волки все же не остались безнаказанными. В тот же день они всей семьей оказались во флажках.

...Три волчьи шкуры кинуты на прилавок заготовительного пункта. Поверх них расстелится тяжелая шуба медведя. Топорщится бурый волос на холке, словно благородный зверь негодует, что попал в такую недостойную компанию.

Евг. ТЕРНИК

Ленинград.

Живой свидетель

Недавно исполнилось 160 лет со дня открытия Тверского бульвара в Москве.

Бульвар этот всегда был излюбленным местом прогулок, особенно писателей, поэтов, художников, актеров. И ныне нередко можно видеть здесь молодых людей, читающих стихи или спорящих по поводу того или иного литературного произведения. Ведь на Тверском бульваре находится Литературный институт имени А. М. Горького.

Этот дом тоже представляет значительный исторический интерес. В нем родился знаменитый русский писатель-революционер Александр Иванович Герцен, его имя и носит дом.

Когда Александр Сергеевич Пушкин приезжал в Москву, он со своими друзьями частенько совершал прогулки по аллеям Тверского бульвара. Сохранилось ли на Тверском бульваре хоть одно дерево, которое бы являлось живым свидетелем таких прогулок Александра Сергеевича Пушкина? Оказывается, есть. Это прежде всего липы: некоторым из них около 200 лет.

Но особо выделяется могучий дуб. Его ствол на высоте груди человека имеет в окружности 290 сантиметров. По определению специалистов, дубу свыше 350 лет.

Каким образом на бульваре оказался столь могучий дуб, который примерно на 200 лет старше бульвара, на котором он растет?

Согласно летописям, на месте, где сейчас находится Тверской бульвар, когда-то шумела дубрава.

С. МИНАЕВ

Фото автора.

Согласен поделиться последним...

Рисунок А. Зубова.

ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Мутная вода течет не из чистого озера.

Алмаз сохраняет свой блеск и в мусорной яме.

И высокая гора рухнет, если ее подкапывать каждый день.

Каждому червю хочется стать драконом.

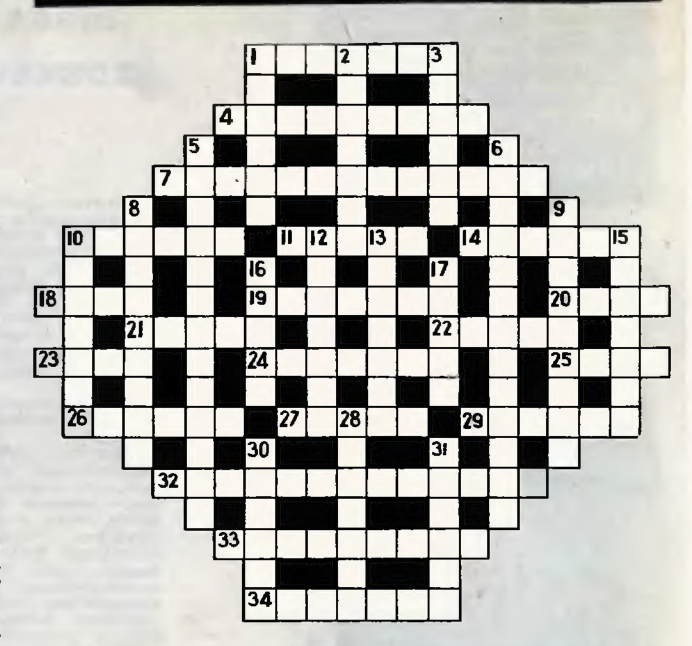
Каким бы острым ни был кинжал, человеческий язык острее.

Нет такой слоновой кости, которая никогда не треснет.

Перевел с индонезийского Н. БУЛЫГИН.

На вкладках этого номера: репродукции картин А. А. Дейнека «У моря», Д. А. Шмаринова «Герои севастопольского восстания 1905 года», С. В. Герасимова «Улица в Париже», «У Кильского канала», А. И. Лактионова «Теплая осень» и четыре страницы рисунков Н. А. Долгорукова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Саморазгружающийся полувагон. 4. Отрасль геологии. 7. Гористая местность. 10. Многогранник. 11. Вид репетиции пьесы. 14. Город и пристань на канале имени Москвы. 18. Музыкальное произведение. 19. Выдержка из текста. 20. Изгиб реки. 21. Огонь. 22. Масса вещества в его протяжении от поверхности вглубь. 23. Электромагнитное излучение. 24. Часть топки. 25. Столица государства на Аравийском полуострове. 26. Французский философ, физик, математик и физиолог XVII века. 27. Сплав стали с никелем. 29. Город в Азербайджане. 32. Управление самолетом. 33. Основное качество семян. 34. Раздел медицины.

По вертикали:

1. Мелкий щебень. 2. Решительное возражение. 3. Руководитель учебного заведения. 5. Машина, применяемая в животноводстве. 6. Система организации ритмической речи. 8. Наука о погоде и ее прогнозах. 9. Буква. 10. Денежное отправление. 12. Великан. 13. Платок. 15. Род многолетних трав. 16. Средство передачи и приема сообщений. 17. Уборочная машина. 28. Рукавица. 30. Руда для получения алюминия. 31. Важный исторический документ, рукопись.

Ответы на кроссворд, помещенный в № 10

По горизонтали:

5. Шуберт. 7. Нарзан. 8. Землесос. 10. Планктон. 12. Саки. 13. Лопасть. 14. Хвоя. 17. Первоисточник. 18. Ампер. 19. Падеж. 21. Постановление. 23. Крон. 24. Шевцова. 25. Кито. 29. Перепись. 30. Коррозия. 31. Резеда. 32. Бровка.

По вертикали:

1. Рубенс. 2. Землекоп. 3. Краковяк. 4. Басоля. 6. Тисс. 7. Ннас. 9. Стогометатель. 10. Петропавловск. 11. «Фауст». 15. Гримаса. 16. Антенна. 20. «Бойцы». 21. Птолемей. 22. Епиходов. 23. Клевер. 26. Ошибка. 27. Пипа. 28. Краб.

— Кого ты больше любишь: папу или маму?

Рис. Ю. Черепанова.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00741. Подписано к печати 6/III 1957 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 122. Заказ № 472.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Город Куйбышев.
В Самарском затоне.
Фото М. Савина.

Цена номера 3 руб.